

Л 2011
30645к

З. К. Ахметжанова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ПОЛЯ РУССКОГО
И КАЗАХСКОГО
ЯЗЫКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

З. К. АХМЕТЖАНОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ПОЛЯ РУССКОГО
И КАЗАХСКОГО
ЯЗЫКОВ

(опыт сопоставительного
исследования)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1989

Ахметжанова З.К. Функционально-семантические поля
русского и казахского языков. - Алма-Ата: Наука, 1989.-
108 с.

В монографии показаны функционально-семантические поля аспектуальности, компаративности и посессивности, представляющие совокупность грамматических и лексических средств выражения. Они исследуются в сопоставительном плане - на материале русского и казахского языков.

Книга предназначена для специалистов по составитель-но-типологическому и общему языкознанию, преподавателей русского языка в казахской аудитории и казахского языка в русской аудитории, студентов филологических факультетов.

Ответственный редактор
доктор филологических наук профессор М.М.Копыленко

Рецензент
доктор филологических наук А.К.Калыбаева

А $\frac{4602000000-002}{407(05) - 89}$ 138.89

ISBN 5-628-00277-1

© Издательство "Наука"
Казахской ССР, 1989

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных проблем современного языкознания является исследование механизма функционирования языковых систем, конечный результат которого заключается в построении функциональных грамматик современных языков. Для этого необходимо изучать грамматические категории и формы нераздельно от их семантических функций.

Исследование может проводиться в двух направлениях — от грамматических категорий к функциям и от функций к грамматическим категориям. Наибольший эффект создается при их совмещении. Стройную систему, по словам О.Есперсена, можно создать в том случае, если исходить из принципа двустороннего подхода: "Также и в грамматике можно начинать либо извне, либо изнутри. В первой части ($\Phi \rightarrow Z$) мы исходим из формы как данной величины, а затем устанавливаем ее значение или функцию; во второй ($Z \rightarrow \Phi$), наоборот, мы исходим из значения или функции и устанавливаем, как они выражаются в форме. Формы грамматики в обеих частях одни и те же, различен лишь подход к ним: обе части грамматик с их различной трактовкой дополняют друг друга и, взятые вместе, дают полный и ясный обзор общих фактов того или иного языка"¹.

Возможен и такой тип функциональной грамматики, при котором описание ведется от функций к формам (от семанти-

¹Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С.39-40.

ки к средствам ее выражения), но в центре внимания оказываются не столько "явные" грамматические категории, во многих отношениях достаточно изученные, сколько взаимодействие грамматических форм, лексики и контекста, правила функционирования языковых средств, используемых для передачи смысла. Эти средства образуют особую надуровневую систему функционирования грамматических единиц.

Функциональная грамматика данного типа строится на описании функционально-семантических полей (ФСП).

Наиболее плодотворно теория ФСП разрабатывается на материале русского языка А.В.Бондарко². В нашей работе используется сформулированное им определение ФСП: "Функционально-семантическое поле — это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными, относящимися к той же семантической зоне"³.

Универсально-понятийной основой для объединения разноразрядных средств выражения в ФСП служат понятийные категории⁴ (времени, пространства, количественности и т.д.), каждая из которых в конкретно-языковом аспекте представлена грамматической категорией и/или грамматикализованными

² См.: Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983 и др.

³ Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики... С.40.

⁴ См.: Есперсен О. Философия грамматики, М., 1958; Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке// Тр. Военного ин-та иностранных языков. М., 1945. № 1; Он же. Понятийные категории и грамматические понятия// Вестн. МГУ. 1946. № 1; Он же. Глагол. М.; Л., 1949.

формами. "Понятийные категории, с одной стороны, представляют собой отражение свойств и отношений реальной действительности, а с другой — имеют опору на язык. Речь идет о потенциальной опоре на всю совокупность возможных средств и их комбинаций в одном языке и в разных языках" ⁵.

ФСП бывают моноцентрическими и полицентрическими. В моноцентрических грамматические категории составляют ядро, а на периферии располагаются лексико-грамматические, лексические, контекстуальные средства. Так, ядро ФСП темпоральности в русском и казахском языках представлено грамматической категорией времени, в непосредственной близости к ядру располагаются синтаксические конструкции, выражающие временные отношения, а на периферии — наречия типа "вчера", "завтра", "давно", "недавно"; "кеше", "ертең", "бұрын", "қазір". В полицентрических ФСП нет сфокусированного ядра, в функции ядерных компонентов выступают отдельные формы и синтаксические конструкции. Так, в ФСП локативности русского языка одинаковую роль играют предложно-падежные обороты "в лес", "из города", "в школе", наречия "сзади", "спереди", "вверху", сложноподчиненные предложения локальной структуры типа "Где раньше был пустырь, теперь заложен сад".

В казахском языке аналогична роль аффиксальных и падежно-последельных форм "қалаға", "қаладан", "мектепте", "стол үстінде", а также сложноподчиненных предложений: "Партия қайда болса, жеңіс сонда".

В пределах полицентрического типа выделяют два основных подтипа: а) ФСП "рассеянной" (диффузной) структуры, при множественности слабо связанных друг с другом или изолированных разнородных компонентов и слабой выраженности границ между центром и периферией; б) ФСП ком-

⁵ Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. М., 1974. С.67.

пактной полицентрической структуры с явно выраженными центрами

ФСП группируются также по семантической природе ядра: поля с предметным ядром (субъектность/объектность, определенность/неопределенность), акциональным (аспектуальность, темпоральность, залоговость и др.), качественно-квантитативным (качественность, количественность, компаративность, посессивность), обстоятельственным (поля причины, цели, условия, уступки, следствия, локативности и др.).

Изучение ФСП включает не только описание инвентаря средств выражения того или иного категориального значения и исследование семантической структуры поля, но также анализ взаимодействия его элементов в высказывании.

Суть функционирования и взаимодействия компонентов ФСП выявляется посредством вводимого А.В.Бондарко понятия "категориальная ситуация" (КС), которое определяется как "выражаемая в высказывании типовая содержательная структура, а) базирующаяся на определенном функционально-семантическом поле данного языка; б) представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной ситуации"

Категориальная ситуация – это реальное соотношение средств выражения в тексте при передаче определенной мыслительно-универсальной категории, ибо в реальном тексте одни языковые средства самодостаточны для выражения определенной категории, другие же требуют контекстовой поддержки. "Категориальные ситуации образуют систему, основные контуры которой обусловлены системой функционально-семантических полей в данном языке и системой

⁶ См.: Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С.62.

⁷ Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики... С.193.

семантического варьирования в пределах того поля, к которому относится данная ситуация"⁸.

Правильное восприятие лингвистической природы ФСП требует различения грамматической и понятийной категориальности. Грамматические категории имеют понятийное ядро, но не совпадают с категориями понятийного содержания. Понятийная категориальность имеет более широкую базу, может выражаться лексическими средствами, сочетанием лексических и грамматических средств, контекстом, речевой ситуацией. Соотношение грамматической и понятийной категориальности в каждом языке своеобразно: одни понятийные категории получают воплощение в чисто грамматических категориях, другие находят лексико-грамматическое выражение, третьи эксплицируются различными комбинациями лексических и контекстуальных средств.

Теория ФСП эффективна и как основа для построения сопоставительных грамматик, что неоднократно подчеркивается в трудах А.В.Бондарко. "... ФСП представляет собой основание для сравнения, позволяющее выявить как некоторые общие закономерности (типы структуры ФСП, общие тенденции во взаимодействии полей), так и черты различия, отражающие своеобразие отдельных языков. Сопоставление ФСП приводит к некоторым инвариантам и к многоступенчатой системе вариативности в сфере содержания и выражения"⁹.

⁸ Бондарко А.В. Грамматическая форма и контекст (О понятиях "частное значение", "функция грамматической формы" и "категориальная ситуация")//Русский язык. Функционирование грамматических категорий. М., 1984. С.13-32.

⁹ Бондарко А.В. Функционально-семантические поля в сопоставительном плане//Типы языковых общностей и методы их изучения: Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. М., 1984. С.19; См. также: Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. С.13.

Сопоставление на основе ФСП способствует углубленному пониманию грамматического строя каждого из сопоставляемых языков и постижению общих языковых признаков, формирующих единое целое "человеческий язык", являющихся основанием для обнаружения и инвентаризации лингвистических универсалий. Весьма плодотворно в этом плане сопоставление ФСП казахского и русского языков, генетически далеких друг от друга и контрастных в типологическом отношении.

Как уже отмечалось, учение о ФСП разрабатывается в основном на материале русского языка. Казахский язык с этих позиций не изучался. Включение в исследование одного из тюркских языков призвано существенно дополнить теорию ФСП. Мы имеем основания предполагать, что ФСП и КС русского и казахского языков в целом значительно различаются.

Стремление сопоставить ощутимо контрастные и разнообразные в семантическом плане явления русского и казахского языков и побуждают нас избрать для сопоставительного анализа следующие функционально-семантические поля:

1. ФСП посессивности, которое входит в группировку полей с предметным ядром. В казахском языке данное поле является моноцентрическим: в роли ядерного компонента выступает грамматическая категория принадлежности¹⁰, на периферии расположены контекстуальные, лексико-синтакси-

¹⁰ См., например: Дмитриев Н.К. Категория принадлежности//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. II. Морфология. С.24; Севор-гян Э.В. Категория принадлежности//Там же. С.38-44; Иванов С.Н. К истолкованию категории принадлежности// Советская тюркология, 1973. № 1. С.26-36; Чин-челй К.Г. Категория посессивности в типологическом освещении//Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1987. Т.46, № 2. С.122-131.

ческие, лексические средства выражения – "С.Муратбековтың әңгімелері, біздің уй, әкесінен қалған мулік, сағып алған кітап" и др. В русском языке оно полицентрическое: в роли слабо выраженного ядра выступают конструкции с родительным приименным ("дом отца"), с притяжательными прилагательными и местоимениями ("отцовский дом", "наш дом"), к периферии относятся все остальные средства выражения значения принадлежности.

2. ФСП аспектуальности, которое принадлежит к группировке полей с акциональным ядром (характеристика ФСП аспектуальности русского языка и обширная библиография по аспектуальности дается А.В.Бондарко¹¹). В русском языке оно моноцентрическое, его центр – грамматическая категория вида. Вокруг категории вида группируются сочетания с фазовыми глаголами "начать", "кончить", "продолжать", способы действия, лексические показатели "вдруг", "обычно", "мгновенно", "долго", различные синтаксические конструкции с дополнительными функциями типа "Так продолжалось до тех пор, пока все не опомнились". В казахском языке данное поле полицентрическое: вследствие отсутствия грамматической категории вида вместо базисного компонента выступают аналитические конструкции, выражающие различные аспектуальные значения: "соғып қалды" (ударил), "қызарып барады" (краснеет); отдельные словообразовательные форманты -ыңқыра -- іңкіре, временные формы с дополнительными аспектуальными оттенками (настоящее переходное время). На периферии располагаются контекстуальные, лексические показатели: "бірнеше рет" (неоднократно), "тынбастан" (неустанно), "қайта-қайта" (снова и снова).

3. ФСП компаративности, которое относится к группировке полей с обстоятельственным ядром. В обоих языках оно моноцентрическое: ядром выступает синтетически выраженная сравнительная степень прилагательного. Вокруг ядра объединяются аналитическая форма сравнительной сте-

¹¹ См.: Бондарко А.В. принципы функциональной грамматики... С.76-118.

пени "сильнее всех", "более вязгый", "бәрлен ыстық", словообразовательные средства "синевагы", "көкшл", гипотактические конструкции типа "Горизонт уже скрыло мглой, погемнели и горы, словно набросили на них серый полупрозрачный покров", "Сонсон Айпара-ана богасын жоғалтқан аруанадай алғаш рет боздады..." (Потом Айпара-ана в первый раз заплакала, как верблюдица, потерявшая своего верблюжонка), лексические показатели "очень", "весьма", "слегка", "тым", "ерекше", "сәл", "азырақ".

Прежде чем строить на основе ФСП сопоставительное исследование русского и казахского языков, необходимо внести кое-какие уточнения, касающиеся как общих принципов исследования, так и частных вопросов.

Поскольку объектом нашего исследования являются разнотипные языки, необходимо прежде всего уточнить понятие термина "грамматическая категория", ибо в русском и в тюркском языкознании он имеет разное содержание. Как показано в ряде статей В.Г.Гузева и Д.М.Насилова¹², многие грамматические категории тюркских языков не обладают свойствами обязательности, связанности только с одной частью речи, наличием оппозитивного различия между рядами форм, эксплицирующих данную грамматическую категорию, тогда как указанные признаки являются основными для грамматических категорий русского языка. Следовательно, для того чтобы иметь возможность сопоставлять русский и казахский языки в единых понятиях, нам необходимо принять в качестве общего знаменателя следующее рабочее определение термина: грамматическая категория — ряды грамматических форм, связанных как оппозитивными, так и неопозитивными различиями, которые служат для выражения определенных грамматических значений.

¹² См.: Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие "грамматическая категория" // Советская тюркология. 1981. № 3. С.22-35.

Как отмечает В.С.Храковский¹³, существующие концепции способов действия характеризуются в основном морфологичностью, т.е. нацеленностью исключительно на изучение синтетических способов действия, что затрудняет использование понятия способов действия в исследованиях по сопоставлению разносистемных языков. В этой связи в нашей работе под способом понимается предложенное В.С.Храковским "определенное типовое значение, которое в принципе может присоединяться к исходному лексическому значению глагола, образуя вместе с ним новое значение".

Исходя из изложенной трактовки ФСП, мы можем наметить следующие этапы исследования: а) определение типа и структуры того или иного ФСП русского и казахского языков в отдельности, когда выявляются все компоненты анализируемого ФСП и выделяются ядерные компоненты, дается функциональная характеристика компонентов поля (ядра и периферии), определяется состав семантических категорий, охватываемых ФСП, и их иерархия; б) выделение и характеристика отдельных типов КС русского и казахского языков, базирующихся на анализируемых ФСП, изучение взаимодействия средств выражения понятийных категорий в тексте; в) выявление специфики русского и казахского языков в сфере ФСП и КС. Изучение полей на основе изложенных нами принципов будет способствовать развитию общей теории ФСП и построению функциональных грамматик каждого из сопоставляемых языков.

Суть функциональной грамматики видится не только и не столько в инвентаризации языковых средств, служащих для выражения функционально-семантической категории, сколько в анализе реального функционирования их в речи, в тексте, т.е. акцент должен быть поставлен на выявлении категориальных ситуаций. Это в свою очередь возможно при условии изучения функций каждого языкового средства в отдельности. В наших условиях, когда не исследованы функции языковых средств казахского языка, а функции язы-

¹³ См.: Храковский В.С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Аспектуальность и средства ее выражения. Тарту, 1980. Вып. 537. С.10.

ковых средств русского языка изучены не полностью, выявление типов категориальных ситуаций по каждой из сопоставляемых функционально-семантических категорий русского и казахского языков и сопоставление их не представляется возможным. Мы ограничились отдельными наблюдениями над категориальными possessивными ситуациями, комбинацией способов одного действия, сочетаемостью способов нескольких действий, над взаимодействием языковых средств разных уровней при выражении одного способа действия, использованием разных видов сравнения.

Структура функционально-семантического поля становится наглядно зримой благодаря семному анализу его компонентов. Грамматическое значение (граммема) рассматривается подобно лексической семеме как набор сем, отличающийся внутренней организацией или структурой. При этом выделяются семы общие и частные, выдвинутые на первый план и завуалированные, скрытые, актуализующиеся только при наличии сильной контекстной поддержки¹⁴.

Семный анализ, на наш взгляд, отражает реальную организацию языкового значения. Как отмечает Ю.К.Лекомцев, "знание языка принадлежит, по-видимому, частично подсознанию. Так, например, обнаруживаются такие компоненты значения, которые говорящие "знают" только подсознательно, т.е. используют языковые единицы в соответствии с этими компонентами, но сами не осознают, на основании чего они используют языковую единицу так, а не иначе. Поэтому характер построения значения также не обязательно должен осознаваться говорящими"¹⁵. Семный анализ позволяет эксплицировать в значительной мере интуитивное знание компонентов значения.

¹⁴ См.: Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. С.38-39.

¹⁵ Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С.28.

В работе используется типология сем, разработанная З.Д.Поповой и И.А.Стерниним. К ядру значения слова авторы относят следующие виды сем: основные (наиболее существенные, формирующие его качественную определенность), постоянные (отражающие постоянные признаки), ассертивные (отражающие реально присущие объекту признаки), эксплицитные (присутствующие в значении слова явным образом), яркие (находящиеся на переднем плане значения). К периферии значения относятся семы: неосновные (отражающие менее существенные признаки предмета), вероятностные (отражающие признаки, не всегда присущие предмету), диспозиционные (отражающие "идеализированные" признаки), производные (т.е. логически выводимые из других сем), скрытые (входящие в состав других сем), слабые (находящиеся на периферии языкового сознания)¹⁶

Каким же образом семный анализ позволяет охарактеризовать структуру ФСП, в частности, выделить ядро и периферию поля? При выделении ядра ФСП мы исходим из того, что этот компонент наиболее полно, ярко, однозначно и регулярно выражает семантическую категорию, лежащую в основе данного ФСП. Так, например, семантическая категория посессивности определяется формулой $P+r+O$, где P - субъект обладания, r - отношение обладания, O - объект обладания. Прибавляемые к существительным казахского языка аффиксы принадлежности выражают это отношение полно, регулярно и однозначно (дәлгерім, ұйың). Кроме аффиксов принадлежности в ядре поля посессивности казахского языка присутствует III изафет (баланын дауысы), однако в отличие от специализированных аффиксов III изафет не обладает свойством однозначности. Как будет показано ниже, центральное положение в ядре поля занимают аффиксы принадлежности, на границе ядра и периферии находится III изафет. Относительные прилагательные на -лы находятся еще дальше от ядра, ближе к периферии, так как в семной структуре таких прилагательных наряду с выражением

¹⁶ См.: Стернин И.А. Описание лексического значения и "принцип айсберга" // Принципы и методы исследования единиц языка. Воронеж, 1985. С.46-48.

неотчуждаемой принадлежности наличествует помимо семы "иметь" сема Magn: "балтырлы" (с сильно развитыми ик-рами); "ықгы" (широкоплечий). Таким образом, чем больше "посторонних" сем в семной структуре компонента ФСП, тем дальше он отстоит от ядра.

Перейдем к описанию конкретных ФСП посессивности, аспектуальности, компаративности. Сначала проанализируем поле русского языка, затем казахского, специфику обоих языков в сопоставительном плане.

Глава 1.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ

§ 1. Предварительные замечания

Разнообразные языковые средства, относящиеся к фСП притяжательности, особенно интенсивно изучаются в последнее время на материале славянских и балканских языков. Внимание исследователей привлекают предпосылки формирования языковой категории притяжательности и разнообразные способы выражения посессивных отношений¹.

В более ранних работах под притяжательностью понималась лишь принадлежность отдельному лицу, т.е. индивидуальная принадлежность, анализировалось главным образом формально-грамматическое выражение притяжательности².

¹См.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983; Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.

²См.: Макарова С.Я. Выражение принадлежности в русском языке XI-XVII вв.: Автореф. дис...канд.филол. наук. М., 1952; Дмитриев Н.К. Категория принадлежности//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. II. Морфология. С. 22-37; Севорган Э.В. Категория принадлежности// Там же. С. 38-44; Фролова С.В. История образования притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами - /-ь и -ов/-ев в русском языке: Автореф. дис....

Со временем меняется само понимание притяжательности, смещается фокус лингвистического исследования. Так, В.Н.Топоров считает, что отношение притяжательности (г) можно признать "при условии, что нечто, в дальнейшем трактуемое как объект "пригяжения" (обладания) О "включается" в Р (обладатель), т.е. "принадлежит" этому Р, составляет его часть, так или иначе связано с ним; при том О для Р является извне и/или изнутри воспринимаемым, верифицируемым (в частности, на уровне внеязыкового поведения) и даже в принципе — проверяемым в эксперименте"³. Как видно из этого определения, посессивностью именуется не только отношения собственно принадлежности, но и другие типы отношений.

Е.М.Вольф включает в категорию посессивности в узком смысле слова "отношения собственно обладания, обусловленные социальными факторами"; сюда же, по ее словам, часто относят и "неотгоржимую принадлежность", которая принципиально отличается от отношений "владения" в собственном смысле слова; иногда посессивность "толкуют еще более расширительно как вообще отношение к лицу"⁴.

Однако исследователи единодушны в том, что отношение притяжательности является одним из доминирующих, обязательно в той или иной форме выражаемых в языке.

К категории посессивности вполне применимо высказывание Н.А.Слюсаревой: "Большинство языковых категорий

докт. филол. наук. Куйбышев, 1962; Гриншпун Б.Н. Притяжательные с суффиксами -ин, -ов в современном русском языке: Автореф. дис.... канд.филол.наук. М., 1967 и др.

³ Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности//Славянское и балканское языкознание. С.149.

⁴ Вольф Е.М. Некоторые особенности местоименных посессивных конструкций (иберо-романские языки)//Категории бытия и обладания в языке. М., 1977. С.170.

через ступень понятийных категорий соотносимо с некоторыми категориальными свойствами мира окружающей человека действительности и его внутреннего мира"⁵.

В последнее время разграничивают три разные основные группы грамматических отношений, выражаемых в предложении – "ролевые..., притяжательные и локативные"⁶.

Показателем интереса исследователей к притяжательности является обсуждение вопроса о наличии особого типа языка – притяжательного. Под ним понимают такой язык, "в котором не только притяжательные отношения в узком смысле слова, но и ролевые и локативные отношения... выражаются (или – в менее отчетливых случаях – могут выражаться) с помощью притяжательных морф. Этот способ оказывается грамматически доминирующим"⁷. Отметим, что эта идея сама по себе не нова. В свое время И.И.Мещанинов, изучая в связи с разработкой теории стадильности североазиатские языки, пришел к выводу о их принадлежности к особому типу, отличающемуся посессивным (притяжательным) строем предложения.

Упоминая о факторах, обусловивших особую яркость и центральное положение категории притяжательности (КП) в ряде языков, В.Н.Топоров отмечает наличие у языка в целом и у КП некоего общего ядра, каким является идея притяжательности: "В самом деле, одна из основных функций языка – освоение им мира и усвоение его себе, т.е. тот процесс, который в самом языке передается раз-

⁵ Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986. С.130.

⁶ Иванов Вяч.Вс. Типология посессивного спряжения и посессивного типа конструкции // Славянское и балканское языкознание. С.132.

⁷ Там же. С.133.

ными средствами, в совокупности составляющими КП. Освоение-усвоение мира языком происходит таким образом, что в конечном счете миром считается то и только то, что освоено-усвоено себе языком: мира вне языка и вне конкретного семантического "картирования" не существует для того, кто пользуется данным языком, или точнее говоря, таковой "внеязыковой" мир не осознаваем, невидим и во всяком случае нерелевантен (это, однако, не означает, что язык не может освоить-усвоить некоторые новые фрагменты мира, хотя для этого всегда необходимы особые условия)⁸.

Мы исходим из широкого понимания посессивности, включая в эту категорию не только юридическую, но и органическую принадлежность, или, по другой терминологии, принадлежность отчуждаемую и неотчуждаемую.

Под юридической (отчуждаемой) принадлежностью понимаются отношения собственно "владения": данный тип отношений характеризует предмет и его владельца: "дом отца", "мамин платок" и др. Один из компонентов посессивной конструкции, выражающей отчуждаемую принадлежность, обозначает активное лицо (обладателя), второй компонент - конкретный предмет, пассивную сторону (обладемое). Конструкции, выражающие принадлежность, включают широкий круг существительных. Под неотчуждаемой принадлежностью понимается такой тип посессивных отношений, при котором между обладателем и объектом существует максимально тесная, нерасторжимая связь, без объекта обладатель обычно не мыслится. По сути это уже не вполне посессивные отно-

⁸Топоров В.Н. О некоторых предпосылках... С.146. См. также: Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка//Ленинизм и герметические проблемы языкознания. М., 1970. С.235; Се-ребренников Б.А. Развитие человеческого мышления и структуры языка// Там же. С.338 и др.

шения, ибо отношения принадлежности-владения выступают как таковые лишь в оппозиции с отсутствием принадлежности-владения. Именно по этой причине в ряде работ отношение такого рода именуется особыми терминами "неотгоржимость"⁹ и "неотчуждаемость"¹⁰. В отличие от посессивного отношения первого типа отношение неотчуждаемой принадлежности может выражаться конструкциями с узким кругом имен существительных: названиями частей тела, свойств человека как физического тела (рост, голшина, вид, очертания), как живого и мыслящего существа (голос, здоровье, чувства и г.д.)¹¹.

Поскольку значение неотгоржимости встречается и вне отношений принадлежности (например "часть - целое"), необходимо оговорить, что в круг нашего исследования входят только конструкции со значением неотчуждаемости в пределах отношения посессивности.

Отметим, что ранние работы по посессивным конструкциям были посвящены анализу отношения "отчуждаемой принадлежности", т.е. собственно "владения". Понятие "неотчуждаемой принадлежности" возникло в связи с изучением языков Океании, где различие между отношениями отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности находит яркое отражение: для каждого вида отношения существует своя система средств языкового выражения.

Отношения неотчуждаемой принадлежности в свою очередь подразделяются на отношения абсолютно неотчуждаемой принадлежности и относительно неотчуждаемой принадлежности¹². Так, для концепта "человек" абсолютно неотчуждае-

⁹Журинская М.А. О выражении значения неотгоржимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 295-344.

¹⁰Головачева А.В. К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности // Славянское и балканское языкознание. С. 194-197.

¹¹Там же. С. 194.

¹²См.: Головачева А.В. К вопросу о соотношении категорий...

мыми являются части тела и свойства, связанные с проявлениями их деятельности (нос, рот, глаза, голос, дыхание, зрение, слух), и др. Относительно неотчуждаемыми мыслятся, например, по отношению к человеку отрастающие борода, усы.

Определенную специализацию языковых средств, нацеленных на выражение отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, отмечают и в русском языке¹³. Так, при выражении отчуждаемой (юридической) принадлежности употребляется глагол "есть" ("У него есть велосипед"), при выражении неотчуждаемой (органической) принадлежности предложения оформляются без глагола "есть" ("У него прекрасная память").

В свою очередь отношения неотторжимой принадлежности подразделяются на объективно воспринимаемую неотторжимую принадлежность и субъективно воспринимаемую принадлежность¹⁴. Кроме того, в отдельных работах проводится деление отношений принадлежности на постоянные и временные, существенные и несущественные и т.д.

Для нашего исследования значимым является только деление на отчуждаемую и неотчуждаемую принадлежность. Дальнейшее же дробление отношений представляется несущественным, поскольку ни в русском, ни в казахском языке более мелкие типы отношений принадлежности специфической формальной выраженностью не обладают.

§ 2. Посессивность русского языка

Морфологический уровень. Традиционно специализированным средством выражения отношений принадлежности в русском языке

¹³ См.: Пеге И. Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка // Русский язык за рубежом. 1970. № 2. С.92-95; Журиная М.А. О выражении значения неотторжимости... С.295-344.

¹⁴ См.: Журиная М.А. О выражении значения неотторжимости... С.295-344.

ке считаются притяжательные прилагательные, образованные от имен существительных со значением лица или названия живого при помощи суффиксов -ов/-ев; -ин, -и], -ск-(от фамилий), прилагательные с суффиксами -чат-, -лив-, -оват- и родительный падеж существительного.

А. Притяжательные прилагательные указанных типов выражают отношения как отчуждаемой, так и неотчуждаемой принадлежности, но при этом конкретной, индивидуальной.

1. Прилагательные на -ин, -ов¹⁵ "отцов", "мамин" имеют следующий семный состав: грамматическая семема (граммема) прилагательного "отцов", 'признак принадлежности' (а) включает сему 'субъект принадлежности' (Р), выражаемую корнем отц-, и 'отношение принадлежности' (г), выражаемое аффиксом -ов.

2. Аналогичен состав граммемы прилагательных на и j a=P/лис/ + г /-ий/. Однако здесь возможна окказиональная сема 'свойственность субъекту', которая выражается тем же аффиксом -ий и актуализуется в особых контекстах.

¹⁵Нельзя не упомянуть о том, что некоторые исследователи трактуют притяжательные прилагательные как формы соответствующих существительных. Так, Н.С.Трубецкой считал такие прилагательные формами падежа (Трубецкой Н.С. О притяжательных прилагательных possessiva (староцерковнославянского языка) // Сборник у част А.Белица. Белград, 1937. С.16); М.В.Панов рассматривал данный тип слов как формы существительных (Панов М.В. Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962); К.Чвани пришла к выводу, что прилагательные на -ин, -ов не являются особыми лексическими единицами, а "форманты -ов, -ин, не деривационные суффиксы, но вид флексии, сходный с английским генитивом на 'S"(К.Чвани. Синтаксически выводимые слова в лексикалистской теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV. С.37).

В роли основных компонентов выступают семы 'свойственность' и 'принадлежность', причем значимость этих двух сем колеблется в различных контекстах.

3. Прилагательные на *-чат-* имеют иной, чем в предыдущих группах, семный состав, граммема прилагательного (а) включает сему 'объект принадлежности' (O), выражаемую корнем, и 'отношение принадлежности' (r), выражаемое аффиксом *-чат-*: "бахромчатая скатерть", "узорчатая ткань". Следует отметить, что часть прилагательных имеет иной состав сем: а = 'подобие' с R (по форме, внешнему виду). Например: "сводчатый потолок", "булгорчатая поверхность".

4. Прилагательные с суффиксом *-ист-* обладают следующим семным составом: а = O + r + Magn. Например: "морщинистая старуха", "душистое дерево", "генистый парк", "болотистая местность", "голосистая женщина".

5. Прилагательные с суффиксом *-оват-* характеризуются семным составом: а = O r Pauc (от лат. paucus - небольшой). Например: "кудреватый парень", "прыщеватый мужик", "комковатая каша". Сема 'признак' (а) является актуализованной, сема 'иметь' и Pauc (незначительная степень) являются основными, но сема Pauc характеризуется большей яркостью, чем сема r, которая в этих прилагательных является фоновой.

6. Прилагательные с суффиксом *-н-* могут выражать possessивные отношения, но сема 'иметь' является в их семной структуре не основной, а потенциальной (слабовероятностной), реализующейся только при сильной поддержке контекста: "лесные звери" и "лесная чаша", "картофельное пюре" и "картофельное поле".

7. Прилагательные с суффиксом *-ск-* выражают отношение принадлежности и имеют семный состав "признак" ('иметь' N) в тех случаях, когда они мотивируются существительными со значением лица и сочетаются с конкретными существительными. В противном случае сема 'иметь' передвигается на периферию семной структуры прилагательного: "ленинский кабинет" и "ленинский курс партии".

8. Прилагательные на *-аст-*, *-аг-*, *-лив-*. Их семный

состав ("зубастый", "языкатый", "слеаливый") можно пред-
ставить следующим образом: 'признак' ("иметь" N Magn).
Сема обладания является основной, но неактуализованной.
Прилагательные этого типа выражают отношения неотчуждае-
мой принадлежности.

Б. Местоименные прилагательные (притяжательные
местоимения "мой", "наш", "твой", "ваш", "его",
"ее", "их", "свой". Обычно притяжательные место-
имения трактуются как обозначающие принадлежность чего-
либо определенному лицу. Однако если определять отношение
принадлежности не как отношение к лицу вообще, а как
отношение владения плюс отношение неотчуждаемой принадлеж-
ности, становится очевидной необходимость трактовки семанти-
ки притяжательных местоимений как соотносительности с опре-
деленным лицом. Е.М.Вольф, сравнивая глагольную конструк-
цию с 'иметь' и местоименную посессивную конструкцию,
отмечает, что "глагольная конструкция может сама по себе
сообщать о наличии или отсутствии принадлежности, в то
время как посессивная конструкция (местоименная посессив-
ная конструкция. - З.А.) вне дополнительного контекста сиг-
нализирует только о связи с лицом. В самом деле, фраза
он имеет дом = у него есть дом сообщает вне всякого
контекста, что имеется дом и он ему принадлежит; он и дом
связаны отношениями владения, собственности.

В то же время сочетание его дом может указывать на
то, что он живет в некоем доме, что он построил дом, что
он ходит мимо него каждый день и т.д. Лишь в контексте,
где имеется ситуация обладания, выражение его дом может
быть истолковано как "дом, принадлежащий ему". Ср.: Он
продал свой дом, где свой дом, очевидно, обозначает "при-
надлежащий ему дом"¹⁶. Аналогичная мысль высказывает-
ся А.Г.Елисеевой и О.Н.Селиверстовой, которые видят уни-
кальную особенность местоимений в том, что "они задают
тот или иной уровень характеристики актанга ситуации. При
этом они сами не раскрывают заданной характеристики, а
только либо отсылают к тому элементу ситуации или контек-

¹⁶ Вольф Е.М. Некоторые особенности... С.150.

ста, через который можно получить недостающие сведения, либо указывают на отсутствие необходимых сведений у говорящего или на то, что по той или иной причине они не будут сообщены слушаателю¹⁷.

В притяжательных местоимениях сема обладания является слабовероятной, потенциальной.

Лексический уровень. Эксплицитно выраженное отношение принадлежности – обладания включает в себя три компонента: Р – субъект обладания, лицо которому что-то принадлежит, активная сторона посессивного отношения; г – отношение обладания – принадлежности 'иметь', 'обладать'; О – объект обладания, то, что принадлежит Р, пассивная сторона отношения. Следовательно, формула отношения обладания – принадлежности PrO.

Направление PrO характерно для семантики ряда лексем: "иметь", "владеть", "обладать", "получить", "купить", "брат", "добыть", "достать", "наследовать", "приобрести", "украсть", "заработать" и т.д.

Сема обладания является постоянной, ядерной, основной, эксплицитной и актуализованной в семантической структуре глаголов "иметь", "владеть", "обладать". Этим объясняется, в частности, употребление данных глаголов в описательных конструкциях, где они выступают в роли единиц мета-языка. Наиболее широкой сочетаемостью обладает глагол "иметь", способный обозначать отношения как отчуждаемой, так и неотчуждаемой принадлежности: "иметь дом", "иметь деньги", "иметь незаурядные способности", "иметь прекрасный голос", "иметь право".

Глагол "владеть" обозначает отношение отчуждаемой принадлежности: "владеть колонией", "владеть имуществом", "владеть конюшней".

Глагол "обладать" тяготеет к обозначению отношения неотчуждаемой принадлежности: "обладать талантом", "обладать хорошим голосом", хотя встречаются случаи выра-

17

Елисеева А.Г., Селиверстова О.Н. Семантическая структура местоименного значения // ВЯ. 1987. № 1. С.80.

жения отчуждаемой принадлежности: "обладать источником сырья", "обладать несметными сокровищами". У остальных глаголов сема обладания, входя в число основных сем, уступают тем не менее роль актуализованной семы семы каузации обладания. У части глаголов к последней добавляется сема "активность"¹⁸, т.е. Р сам активно способствует возникновению ситуации обладания: "купить", "заработать", "приобрести", "достать", "добыть". Некоторые глаголы характеризуются пассивной каузацией обладания: лицо со стороны каузирует для Р ситуацию обладания: "получить", "наследовать". Семная структура подобных глаголов следующая: P_1 каузирует-(Р₀), где Р₁ - лицо, не совпадающее с субъектом действия.

Кроме того, есть ряд глаголов, обозначающих особую каузацию обладания, которая может быть сформулирована так: Р каузирует - (Р₁гО), это глаголы типа "подарить", "дать", "вручить", "презентовать", "наградить", "присудить", "продать" и т.д.

Наконец, глаголы с актуализованными каузативными семами дифференцируются по наличию/отсутствию описательных сем конкретного способа каузации обладания: "заработать", "купить", "наследовать", "украсть", с одной стороны, и "приобрести", "добыть" - с другой.

Направление $P \leftarrow r \leftarrow O$ характеризует отношение принадлежности, являющееся конверсивом отношения обладания, и выступает в качестве ядерной, основной, постоянной и актуализованной семы для глагола "принадлежать".

И, наконец, значение объекта отношения принадлежности эксплицируется в лексемах "собственность", "принадлежность", "наследство".

В лексемах "собственность", "наследство" сема 'объект обладания' является ядерной, основной, актуализованной, в

¹⁸ См.: Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1986. С.25.

лексеме "принадлежность" данная сема является несосновой, слабовероятной (потенциальной).

Синтаксический уровень. Синтаксические средства выражения посессивных отношений рассматриваются нами по-разному в сфере словосочетания и в сфере предложения.

А. Словосочетание

1. Наиболее продуктивным типом словосочетания, выражающим посессивные отношения, является конструкция с формой родительного падежа. Владелец обозначается формой родительного падежа, зависящей от леммы со значением объекта обладания. Оба компонента являются существительными конкретного значения: "дом отца", "голос певиды", "дыхание весны".

Отметим, что значение самой конструкции $N + N_{\text{род}}$ квалифицируется как отношение "вообще", конкретизирующееся в целом ряде дробных отношений, в том числе и отношения принадлежности. Отношение посессивности возникает лишь при наполняемости конструкции $N + N_{\text{род}}$ леммами определенного значения, а именно конкретно-предметной семантики: "книга", "дом", "плагок", "рука", "лицо" и другими – для N и леммами, обозначающими лицо: "мать", "брат", "человек", "проходящий" и другими – для $N_{\text{род}}$.

2. Конструкция с дательным падежом, где владелец выражен дательным падежом личного местоимения, а объект существительным, обозначающим лицо по отношениям родства/свойства: "сестра мне – мать вам". Однако данная конструкция не продуктивна.

3. Конструкция с творительным падежом с предлогом "с": "человек с бородой", "дом с мезонином", "овца с ягнятами".

4. Конструкция с предложным падежом с предлогом "в": "человек в шляпе, в пальто, в очках" – ограничена небольшим кругом существительных, способных выражать в подобных конструкциях отношения принадлежности.

5. Конструкция с винительным падежом с предлогом "в": "здание : в шесть этажей", "квартира в пять комнат". Однако значение данной конструкции с большой оговоркой

можно квалифицировать как отношение принадлежности; скорее здесь отношение "часть - целое".

Б. Предложение

1. Конструкция $N_{\text{им}} + V + N_{\text{гв}}$. $N_{\text{им}}$ обозначает субъект владения, а $N_{\text{гв}}$ - объект владения. В данной конструкции выступают глаголы possessивного значения: "он владеет садом", "он располагает средствами".

2. Конструкция $N_{\text{им}} + V + N_{\text{им}}$. $N_{\text{им}}$ обозначает субъект владения, $N_{\text{даг}}$ - объект владения, центром конструкции является глагол "принадлежать": "ему принадлежит дача, машина".

3. Конструкция $У N_{\text{род}} + (V) + N_{\text{им}}$. $N_{\text{род}}$ с предлогом "у" обозначает субъект владения, $N_{\text{им}}$ - объект владения, possessивное употребление бытийного глагола "есть" в данной конструкции факультативно: "у них есть средства", "у нее сын, дом, библиотека".

4. Конструкция $N_{\text{им}} + V_{\text{(иметь)}} + N_{\text{вин}}$: "он имеет средства, дом, библиотеку" и т.д.

Все перечисленные конструкции наиболее полно и отчетливо выражают ситуацию possessивных отношений. Следующие конструкции также выражают отношения possessивности, но менее выпукло.

5. Конструкция $N_{\text{им}} + V + N_{\text{вин}}$. Центром конструкции выступают глаголы каузации possessивного отношения: "сын купил тетрадь", "отец заработал деньги", "коллега приобрел машину, достал хорошую печатную машинку".

6. Конструкция $N_{\text{им}} + V + N_{\text{даг}} + N_{\text{вин}}$. Центром конструкции выступают глаголы каузации обладания со стороны: "подруга подарила мне книгу", "брат дал сестре учебник", "дирекция вручила сотруднику путевку в санаторий", "жюри присудило спортсмену первое место".

Укажем, что все отмеченные конструкции предложений сами по себе не специализированы на выражении possessивных отношений. Сравним $N_{\text{им}} + V + N_{\text{вин}}$: "отец заработал деньги" - "отец рубит дрова"; $N_{\text{им}} + V + N_{\text{гв}}$:

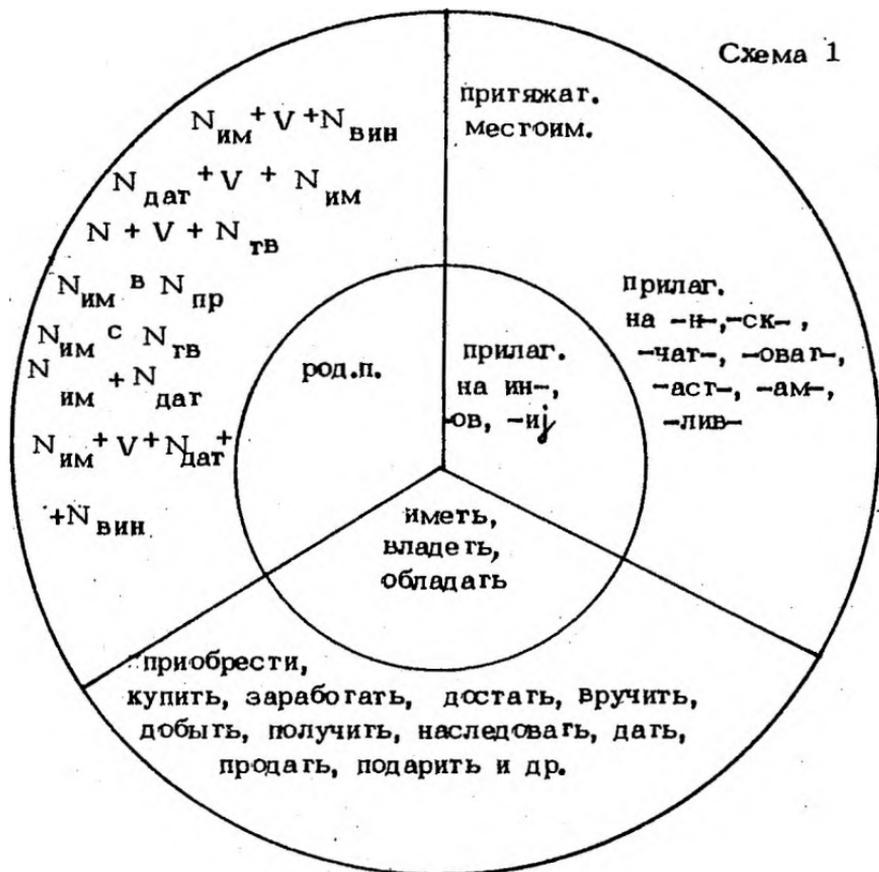
"он владеет садом" – "он пишет ручкой" – "он идет улицей". Выражение посессивных отношений становится возможным лишь при наполняемости данных конструкции лексемами определенной семантики и в первую очередь – глаголами, имеющими в своей семантической структуре сему обладания. По сути, конструкции эти представляют собой развертывание, реализацию глагольной валентности. Возникает вопрос, следует ли в подобных случаях относить выражение посессивных отношений указанными конструкциями к сфере синтаксиса? Положительный ответ на этот вопрос дает Г.А.Золотова. Исходя из положения о том, что "схем, свободных для любых классов лексики, свободных от семантической избирательности, не существует", она делает вывод: семантическое наполнение предложения, принадлежность его компонентов к определенным семантико-грамматическим подклассам является признаком синтаксической формы предложения¹⁹.

Проведенная инвентаризация средств выражения посессивных отношений позволяет нам представить структуру ФСП посессивности русского языка (схема 1). Видно, что ФСП посессивности русского языка является полицентрическим полем, где в роли ядерного компонента выступают: 1) глаголы "иметь", "владеть", "обладать"; 2) конструкции с род. п.; 3) прилагательные на -ин, -ов, и). Однако эти ядерные компоненты неравнозначны. Близки к универсальности и характеризуются наименьшими ограничениями в своем употреблении в качестве средств выражения посессивности упомянутые глаголы. Конструкция с род.п. может выражать не только отношения посессивности. Грамматическая категория принадлежности в русском языке отсутствует.

Притяжательные прилагательные и притяжательные местоимения, на наш взгляд, выражают лишь отношение к лицу, которое при поддержке микроконтекста может проявиться как отношение посессивности; налицо факультативность.

¹⁹ См.: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С.87, 92.

Схема 1

Традиционное представление о данных классах слов как специализированных средствах выражения посессивности отражает состояние языка, предшествовавшее современному языковому срезу.

Кроме того, как отмечает В.П. Бредихина и другие исследователи, "продуктивность притяжательных прилагательных в современном русском языке очень мала. Они образуются только от определенных категорий слов: от существительных собственных, обозначающих имена и фамилии (Варна кроватъ — демидовский завод), от существительных нарицательных, обозначающих животных, и от названий лиц, находящихся в семейно-родственных отношениях (мамин

медальон, дедушкин фонарь)²⁰. Поэтому и в ФСП им отводится место, переходное от ядра к периферии.

§ 3. Посессивность казахского языка

Морфологический уровень

А. В казахском языке имеется особая система аффиксов, называемых аффиксами принадлежности: -м (1 л.), -ң, (2 л.), -і (3 л.). Аффиксы принадлежности выражают грамматическую категорию принадлежности, определяющую наряду с другими грамматическими категориями своеобразие казахского языка. "Категорией принадлежности называется такая грамматическая категория, которая выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя. При этом лицо обладателя (так сказать, юридического субъекта) связано с одним из трех лиц личного местоимения обоих чисел"²¹.

Любой предмет, любое явление может быть представлено как объект конкретной, индивидуальной принадлежности кому-то: "ауышым" (мой аул), "көңілім" (мое настроение), "қулықым" (мой смех), "кітабым" (моя книга), "көйлегің" (твое платье), "бетің" (твое лицо), "дәптерің" (твоя тетрадь), "сөзің" (твое слово), "қылығы" (его поступок), "ойы" (его мысль), "көзі" (его глаза), , "үйі" (его дом).

Но если аффиксы принадлежности 1 и 2 л. указывают на принадлежность данного предмета говорящему или его собеседнику, то аффикс 3 л. не столь однозначен. В 3 л., по словам А.М.Щербака, происходит сильное ослабление значения принадлежности - имеется в виду форма принадлежности 3 л., не сопряженная с формой родительского падежа. "...Если аффикс принадлежности 3-го лица в сочетании с родительным падежом имени выражает различный характер

²⁰ Бредихина В.П. Структура и функции словосочетаний с примененным родительным падежом в современном языке: Автореф. дис.... канд.филол наук. Алма-Ата, 1961. С.17.

²¹ Дмитриев Н.К. Категория принадлежности. С.22.

и различную степень принадлежности, то в сочетании с именительным падежом он выражает главным образом отношение (отношение единичного предмета к обобщенному, части к целому, отношение к причине, источнику или материальной основе, отношение – связь с местом, временем и т.д.)²²

С точки зрения компонентов посессивного отношения существительными с аффиксом принадлежности ("дәптерлм") обозначается объект обладания ("дәптер"), субъект обладания (1 л.), отношение обладания выражается самим фактом присоединения аффикса принадлежности к основе существительного.

Б. Существует еще одно морфологическое средство выражения отношений обладания – аффикс относительных прилагательных –лы с фонетическими вариантами. Данный аффикс является широко употребительным, в зависимости от семантики производящей основы он может образовать прилагательное с простой семной структурой – признак "иметь" – отчуждаемая принадлежность ("тысгы" – имеющий покров, "сапты" – с черенком) или же с более сложной семной структурой – признак "иметь" Магн – неотчуждаемая принадлежность ("т.лд1" – с острым языком, "балгырлы" – с сильно развитыми икрами, "желнд1" – с большим выменем). Продуктивность этого способа по сути неограничена.

Данным средством выражения посессивного отношения эксплицируется только объект обладания и отношение обладания. Для тюркских относительных прилагательных отношение наличия, обладания является наиболее значимым, продуктивным, первостепенным, в тюркском языковом сознании отношение одного предмета к другому мыслится прежде всего как отношение обладания – принадлежности.

Лексический уровень. Казахский язык не имеет разветвленной, богатой группы лексем, которые бы выражали как отношение посессивности в целом, так и отдельные элементы отношения посессивности, что наблюдается в русском

²²Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977. С.79.

языке. Неограниченными возможностями выражения данных отношений морфологическими средствами объясняется крайняя скудость лексических средств. Так, в казахском языке отсутствуют глаголы, обозначающие отношение посессивности. В особых контекстах это отношение может быть выражено словом "бар". Имеются отдельные слова, обозначающие субъект обладания ("ие", "қожа"), от которых образуются составные глаголы "ие болу", "қожалық ету", однако в речи они малоупотребительны.

Наличествуе т группа глаголов, обозначающих способ каузирования обладания кем-то со стороны: "сыйлау", "сату", "беру", "арнау", "қалдыру", "байлау" ("мал"); глаголов со значением каузации обладания самим субъектом обладания: "габу", "ұрлау", "жымқыру", "алу", "иелену".

Синтаксический уровень

А.Словосочетание. В сфере словосочетаний казахского языка самым ярким средством выражения посессивных отношений является изафет, точнее один вид изафета - 1²³.

Исследователи тюркского словосочетания четко дифференцируют три вида изафета, указывая на их семантические, синтаксические и структурные различия.

Так, изафет 1 в семантическом плане характеризуется терминологичностью, первый его член может быть адъективизирован и фактически мы здесь имеем адъективизированное словосочетание. Например: "темір жол" (железная дорога), "ағаш қасық" (деревянная ложка). Как отмечает Н.З.Гаджиева²⁴, общим для всех тюркских языков условием употребления 1 изафета является следующее: определение должно указывать на состав, вещество, материал, из которого сделано определяемое, а также на меру, размер, форму: "тиһн ішік" (беличья шуба), "отар-отар қойлар" (отары овец). В изафет-

²³ См.: Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957; Гаджиева Н.З. Природа изафета в тюркских языках// Советская тюркология. 1970. № 2. С.18-28; Аракин В.Д. К истории изафета в тюркских языках//Тюркологические исследования. М., 1976. С.12-23.

²⁴ См.: Гаджиева Н.З. Природа изафета... С.19.

те II первый член выражает неопределенное родовое понятие, второй — конкретизирует это понятие, II изафет выражает релятивные отношения: "мектеп тәрбиесі" (школьное воспитание), "жүрек сыры" (сердечная тайна). В изафете III оба члена словосочетания имеют показатели синтаксической связи определяющий член — аффикс род.п., определяемый член — аффикс принадлежности, соотношенный с лицом определяющего члена. В отличие от обычных словосочетаний, отмечает А.Баскаков, в III изафете "определяемое, являясь всегда субстантивом, характеризуется с точки зрения принадлежности к другому предмету, или различных форм отношений к нему"²⁵. В целом III изафет имеет гораздо более суженные рамки употребления, чем I и II типы, различную степень распространенности в тюркских языках²⁶. И так, именно III изафет выражает посессивное отношение.

Для современного казахского литературного языка соотношение трех типов изафета несколько иное. Границы между ними нечеткие, особенно между II и III изафетом. М.Б.Балакаев отмечает, что помимо отношений принадлежности III изафетом могут выражаться естественные связи предметов и явлений: "судың ағысы" (течение реки), "өмірдің шындығы" (правда жизни); отношения части к целому; значение степени превосходства: "адамның ақылдысы" (умнейший из людей)²⁷.

В нашей выборке посессивное отношение выражают 44% сочетаний, для которых характерен III изафет: "қыздың шешесі" (мать девушки), "Камөңнің балалары" (дети Камөң), "әйелдің сапаян мәсісі" (сафьяновые сапожки женщины), "тістегеннің аузы" (рог укусившего), "Ержанның есі" (сознание Ержана), "колхоздың астығы" (колхозное зерно), "Панферовтың мінезі" (характер Панферова), "Ержанның денесі" (тело Ержана), "ханның ашуланғаны" (гнев хана) и т.д.

²⁵ Баскаков А. Словосочетания в современном турецком языке. М., 1976. С.21.

²⁶ См.: Гаджиева Н.З. Природа изафета... С.24.

²⁷ Балакаев М.Б. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959. С.29-307.

Остальные сочетания III изафета выражают отношения разных видов – временные: "шал-кемпірдің жас шағы" (молодость старика и старухи); сравнительные: "немерелерінің ең үлкені" (старший из внуков), "жонғардың төресі" (самый знатный, достойный из джунгаров); локативные: "даланың тезегі" (кизьяк степи); "Балқияның ауылы" (аул Балки), "ауылдың әйел-еркегі" (мужчины и женщины аула); субъектно-объектные: "елімің ісі" (дела моего народа), "шаңырақтың сенері" (опора семьи), "Ержанның алғаш көрген дүниесі" (мир, который увидел Ержан); предназначения: "балаларының тамағы" (еда для детей); относительные: "жау артиллериясының мергенділігі" (меткость вражеской артиллерии), "дұшпан шабуылының қарқыны" (ожесточенность вражеской атаки), "дүниенің көңділігі" (необъятность мира), "балалығымының базары" (базар моего детства), "халықтың бірлігі" (единство народа), "жусанның исі" (запах полыни) и др.

В свою очередь II изафет часто используется в казахском языке для выражения посессивных отношений: "Ержан жүрегі" (сердце Ержана), "Қазақстан жері" (земля Казахстана), "қыран баласы" (птенец сокола), "қарағай бастары" (верхушки сосен), "соғыс мінезі" (характер войны) и др.

Иногда одни и те же сочетания встречаются то в форме II изафета, то в форме III изафета: "ауыл адамдары" – "ауылдың әйел-еркегі", "жау күші" – "жаудың өзегі", "ганк сықыры" – "ганкінің гүрлілі", "Уәлидің ротасы" – "Мұрат батальоны" и др. Приведенные примеры позволяют считать, что в современном казахском языке проявляется тенденция, отмеченная Н.З.Гаджиевой: "Все три типа изафета, образуя единую цепь в пределах одной грамматической категории, будучи взаимозаменяемыми, приобретают нечто общее в семантическом плане. Некоторые факты дают основание считать, что изафет III иногда может иметь значение неопределенной категориальности"²⁸.

²⁸ Гаджиева Н.З. Природа изафета... С.24.

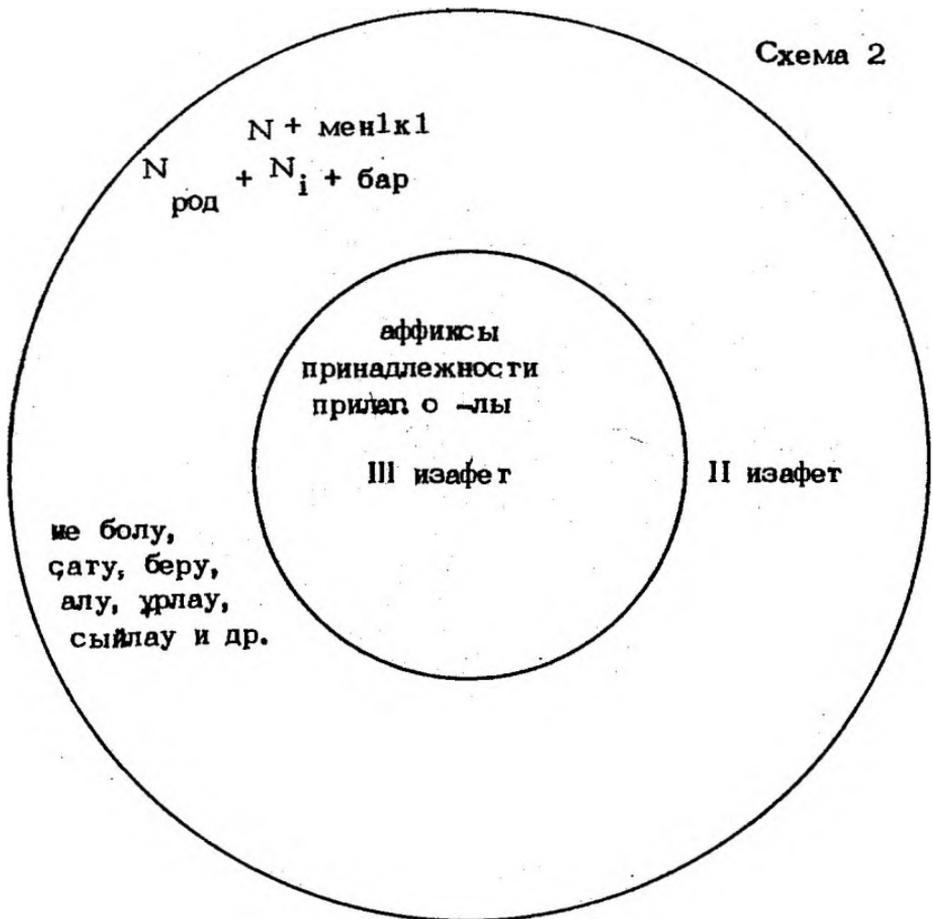
Кроме того, утверждение Н.З.Гаджиевой, что изафет III имеет более суженные рамки, меньшую употребительность по сравнению с другими типами изафета, для современного казахского языка нам представляется не вполне точным.

При употреблении III изафета обозначаются следующие компоненты посессивного отношения — "Мураггың үйі": Мурат — субъект обладания, үй — объект обладания, —ың + —і — отношение обладания. То есть все компоненты посессивного отношения наиболее полно выражаются именно III изафетной конструкцией, тогда как при выражении посессивности другими средствами один из компонентов либо совсем выпадает (аффикс —лы, —лі), либо же выражается не вполне отчетливо (аффиксы принадлежности).

Б. Предложение. Современный казахский литературный язык не обладает сколько-нибудь четко выраженными типами предложений, предназначенными для выражения посессивных отношений, исключение составляет, пожалуй, тип, малоупотребительный и характерный лишь для разговорного стиля: N + менікі ("кітап менікі, үй — сенікі" — книга моя, дом — твой).

Кроме того, посессивные отношения выражаются и предложениями N_{род} + N_і + бар: "оның үйі бар"; однако и здесь посессивность выражается III изафетом, слово "бар" лишь констатирует реальность существования отношения посессивности.

ФСП посессивности казахского языка можно представить схематически (схема 2). Как видим, ФСП посессивности казахского языка имеет очень сильное, концентрированное ядро — грамматическую категорию принадлежности, выраженную аффиксами принадлежности; между ядром и периферией — аффикс —лы и III изафетная конструкция. На периферии расположены такие средства выражения посессивных отношений, как II изафет, отдельные редко употребляемые синтаксические конструкции. Переходное от ядра к периферии положение мы отводим редким лексемам, обозначающим отдельные компоненты отношения посессивности.

§ 4. Сопоставительная характеристика поля посессивности русского и казахского языков

Анализ ФСП посессивности русского и казахского языков выявил следующие различия. Во-первых, они отличаются структурно: в русском языке ФСП полицентрическое, в казахском – моноцентрическое. Во-вторых, различен характер ядерных компонентов: в казахском языке ядро поля посессивности чисто грамматическое – аффиксы принадлежности, ближе к краю ядра – аффикс -лы прилагательных и III изафет; в русском поле посессивности ядро включает разноразличные компоненты (лексические единицы, синтакси-

ческие конструкции с родительным падежом). В грегях, специфичным явилась представленность периферийных компонентов поля. Для русского поля посессивности характерна богатая разноуровневая заполненность периферии: это прилагательные с множеством аффиксов - ин, -ов, -и, -н-, -ск-, -чат- и другими, притяжательные местоимения "мой", "наш" и другие, множество лексем, варьирующих отдельные элементы посессивного отношения, - "купить", "продать", "наследовать", множество конструкций предложений. Периферия поля посессивности казахского языка выглядит намного беднее: это прежде всего II изафет, немногочисленная группа лексем и два типа синтаксических конструкций.

В.Н.Ярцева отмечает, что обычно "концентрация специализированных категориальных средств данного языка в одной семантической зоне компенсируется некоторой разреженностью таких средств и преобладанием средств контекста и речевой ситуации в другой семантической области"²⁹. Наличие такой закономерности в распределении и характере языковых средств в разных семантических зонах особенно ярко доказывается при сопоставлении разнотемных языков.

Картина ФСП русского и казахского языков позволяет говорить о действии принципа компенсации: при наличии сильных грамматических средств для выражения определенной семантической категории язык не нуждается в единицах других уровней, что мы наблюдаем в поле посессивности казахского языка. И наоборот, при отсутствии такой грамматической категории язык вынужден компенсировать этот пробел употреблением множества единиц других уровней, что иллюстрирует поле посессивности русского языка.

29

Ярцева В.Н. Проблема универсалий и классификации языков//Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения. М., 1974. С.24. См. также: Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С.69.

Категориальные посессивные ситуации как казахского, так и русского языков являются неактуализационными, т.е. выражение посессивности не является абсолютно обязательным условием реализации каждого высказывания. Сравним высказывания казахского и русского языков, где мы не находим семантической категории посессивности, следовательно, и средств ее выражения:

"Баян төртінші бетті курьермен баспаханаға жіберген соң, жинала бастады. Үйге телефон соғуға оқталып тұрғанын көтерді де орнына қайтадан қойды" – Р.Сейсенбаев (Баян, отправив четвертую страницу с курьером в типографию, начала собираться. Подняла трубку телефона, чтобы позвонить домой, но раздумала); Жол үстінде іштей бір байламға келген жігіт ел жатқанша екі-үш кісіні жан-жаққа шаптырып бас-аяғы бір күннің ішінде игі жақсыларды жиып алды – А.Нурпеісов (Приняв определенное решение, джигит, послав в разные концы двух-трех людей, всего за один день собрал уважаемых людей /округа/).

"Отбита еще одна яростная атака. По узкой и шагкой лесенке, уютно обжигтой многолетней пылью, какими-то легкими, давно высохшими семенами и мякиной, Береговой спускается с чердака. Лесенка домовито поскрипывает" – Дм.Снегин. "Отчаянно, по-бабьи заголосил Мырзагали, видя, что аруана ошиблась, взяла влево. Пригнулся, погнался коня наперерез, стремясь перехватить ее, и не успел. Аруана уже повисла в воздухе, перебирая ногами. Беззвучно и легко, словно все еще продолжая бег, она исчезла в овраге" – С.Санбаев.

Тем не менее степень обязательности выражения категории посессивности в казахском тексте выше, чем в русском. При этом необходимо иметь в виду следующее. В русском языке роль общего контекста, ситуации в выражении посессивности достаточно значима, формальное выражение посессивности получает только в том случае, когда

30 См.: Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С.103.

а) контекст, ситуация не указывают на отношение принадлежности, которое является отличительным признаком предмета и лица: "дом отца", "человек с бородой"; б) выражение possessивности является основным содержанием высказывания, налицо фокусированная possessивная ситуация: "Он состоятельный человек, имеет дом, дачу, машину". В казахском языке роль контекста и ситуации минимальна, поэтому если предмет и лицо связаны отношениями принадлежности, то независимо от контекста, от ситуации, независимо от того, является ли possessивная ситуация фокусированной или фоновой, категория possessивности обязательно найдет выражение в высказывании либо в форме изафетной конструкции, либо в форме относительного прилагательного с аффиксом -лы, -лі, либо в форме аффикса принадлежности. В тех случаях, когда possessивная ситуация становится фокусированной, отношение possessивности выражается либо употреблением относительного прилагательного с -лы, -лі в позиции предиката ("Тун желді болды"), либо же прибавлением к изафетной конструкции слова "бар": Жусаньың да исі бар, -Гүл райхан бола алар ма - Қ.Аманжолов (И у полыни есть запах, но все равно она не роза); или же обычным способом выражения possessивности усиливается введением местоимения, т.е. одно и то же отношение possessивности выражается несколькими способами одновременно: Біздің тіліміз қияр тұздайтын қадушканымыз да жоқ қой - Т.Ахтанов (У нас ведь даже /своей/ кадучки для соления огурцов нет); Қашқалы жағыр де. Өз қолымен істеген бүлікті өз мойнымен көтеріп алуға да жарамды де. Үй іргесіне жау келсе, әркім өз басының амандығын ойлап, бытырап-бытырап кететін ежелгі әдегіміз ғой - Ә.Нурпейісов (Убегать собирается? Не способен держать ответ за свои же поступки! Разбегаются в разные стороны, думая только о своем личном спасении, когда враг подходит к стенам дома - это ведь давняя наша привычка).

Сказанным выше объясняется особенность казахского текста, проявляющаяся в наличии цепочек однотипных possessивных форм выражения: Олжай-ерім ылғи да елінің есен-саулығын қудайдан тілер еді - О.Бекеев (Муж мой

Олжай всегда просил у бога лишь покоя и благополучия своему народу).

В данном предложении три формы посессивности, выражающие отношение к трем субъектам – героине, Олжаю и народу.

В казахском тексте лицо именуется обычно один раз, в начале фразы. Далее оно не упоминается, но формами посессивности выражается отношение посессивности к данному субъекту, тем самым снимается неопределенность высказывания. Например: Қара шапан бүркенген әйелдің сапаян мәсісі су болды. Шық суы көлбіреген етегіне де малшыпты. Маңдайынан әнтек шығыңқырап тұрған шашы дым тартқан – О.Бөкеев (Сафьянковые сапожки женщины, укрытой черным чапаном, промокли. Намок и широкий подол ее платья. Влажны и ее волосы, слегка выглядывающие на лбу). В данном тексте из повести О.Бөкеева лишь в первом предложении употреблена изафетная конструкция, где указаны полностью субъект и объект обладания, в следующих предложениях субъект обладания не называется, выражается лишь отношение обладания к лицу, т.е. второй компонент изафетной конструкции "етегі", "маңдайы", "шашы". Тем самым посессивность является средством, организующим казахский текст, цементирующим его. Мы специально употребляем термин "текст", подразумевая под ним сверхфразовое единство³¹, так как только в пределах текста наиболее явно ощущается организующая роль посессивности казахского языка.

Отметим, еще интересный случай выражения взаимной посессивности: Еркегі жұмбақ айтып, әйелі шеше алмай жатса қандай жарасымды, ал енді қатын айтқан жұмбақты күйеуі шеше алмаса қиын-ақ – О.Бөкеев. (Как приятно, о, когда ее муж загадывает загадку, а его жена не может разгадать, и как тяжело, когда

³¹ См.: Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981. С.14.

муж не может разгадать загадку, загаданную его женой).

В данной ситуации взаимная принадлежность выражена не только формами лица, но и лексически, когда лексемы обозначают понятия, взаимно обусловленные: "муж - жена", "родители - дети". В русском же тексте-переводе посессивность выражается только лексически.

Глава 2

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

§ 1. Аспектуальность русского языка

Эффективная сопоставимость результатов исследования аспектуальности русского и казахского языков требует его проведения на одинаковом уровне детализованности. Этот уровень в отношении русского языка в настоящее время достаточно высок. Существуют аспектологические школы и направления, литература по русской аспектологии настолько обширна, что в рамках нашей монографии невозможно перечислить все хотя бы основные работы¹. Аспектология казахского языка находится пока в зачаточном состоянии. Специальных монографических исследований, если не считать ранние работы, в которых наблюдалось механическое перенесение русских грамматических категорий на почву казахского языка, мы не имеем. Пионерскими в этом плане следует считать труды Н.О.Оралбаевой, где анализируются способы действия казахского языка в связи с общей проблемой аналитических форман-

¹ См., например: Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1971; Шелякин А.М. Категория вида и способы действия русского глагола. Таргу, 1983 и др.

гов². В некоторых работах исследуются лишь отдельные проблемы аспектуальности³, обосновывается необходимость глубокого изучения аспектуальности в сопоставительном плане на материале русского и казахского языков⁴.

Возвращаясь к русскому языку, отметим вслед за М.А.Шелякиным, что "главная причина широкой и интенсивной разработки проблем аспектологии заключается в центральном положении категории вида в грамматической системе славянского глагола, в ее глубокой взаимосвязи с глагольной лексикой и словообразованием. ...В славянских языках ни одна глагольная лексема, ни одна глагольная форма не обходится без категории вида. Она взаимодействует с категориями времени, залога, лица, наклонения, выходит за рамки чисто морфологического функционирования, оказывая влияние на синтаксическое построение словосочетаний, предложений и целостных текстов. Ее связи с глагольной семантикой так глубоки, что во многих случаях релевантность лексического значения зависит от формы вида и наоборот"⁵. Сложностью аспектуальной системы русского языка, многообразием ее взаимодействия с другими системами объясняется тот факт, что, несмотря на обилие исследований, неизученных явлений

² См.: Оралбаева Н.О. Аналитические формы глагола в современном казахском языке: Автореф. дис. докт. филол. наук. Алма-Ата, 1971; Соның өзінде. Қазақтың қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттары. Алматы, 1975; Соның өзінде. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы. Алматы, 1979.

³ См.: Чернов В.В. К проблематике способов действия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967; Джамантаева С.Ш. К проблеме категории аспекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973 и др.

⁴ См.: Сайкиев Х.Л. Грамматические категории глагола в русском и казахском языках. Алма-Ата, 1973.

⁵ Шелякин М.А. Категория вида ... С.3.

пока еще много. Нередко и несовпадение взглядов по тем или иным вопросам. Так, нет единства в определении категории вида в понимании способов действия. Тем не менее довольно четко вырисовывается общий контур функционально-семантической категории аспектуальности русского языка. Она представляется в виде своеобразной пирамиды, вершиной которой является грамматическая категория вида, "основанная на противопоставлении ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие..., и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия..."⁶. Грамматическая категория вида основывается на лексико-грамматической категории предельности/непредельности. В основании пирамиды находятся способы действия, которые представляют собой "разновидности предельных/непредельных глаголов, объединяющиеся по признаку обозначения особенностей проявления предельных/непредельных действий"⁷. Чем ближе к основанию пирамиды, тем менее абстрактны, в большей степени связаны с лексической семантикой глагола аспектуальные различия. Чем ближе к вершине пирамиды, тем больше "эмансипированность" (Ю.С.Маслов) от лексических различий, тем абстрагированнее аспектуальные значения.

Основные компоненты поля аспектуальности русского языка, согласно А.В.Бондарко, таковы: а) система, объединяющая ряды грамматических (морфологических) форм с однородным содержанием, т.е. грамматическая (морфологическая) категория вида; б) видовые образования и их группировки, характеризующиеся неполной грамматикализацией (ограниченным охватом глагольной лексики и грамматических форм глагола, недостаточной регулярностью); в) видовые элементы форм с видо-временным значением (или с временным значением, осложненным дополнительными аспектуальными элементами); г) сочетания с

⁶ Русская грамматика. М., 1980. Т.1. С.583.

⁷ Шелякин М.А. Категория вида... С. 171.

“фазовыми” глаголами (со значением начала, продолжения и конца действия) и другие аналитические аспектуальные конструкции, иногда тесно примыкающие к аналитическим формам; д) синтаксические средства с дополнительными аспектуальными функциями (например, конструкции типа “чем больше... – тем сильнее...”); е) способы действия (Aktionsarten); ж) оппозиция предельных/непредельных (терминативных/атерминативных) глаголов и глагольных значений; з) лексические обстоятельственные показатели типа долго, мгновенно, постепенно, медленно, часто, вдруг; и) различные комбинированные средства аспектуального контекста, в том числе относящиеся к области “скрытой грамматики”⁸. Общая семантика аспектуальных отношений со времен А.М.Пешковского определяется как характеристика действия со стороны протекания и распределения во времени. Признаком, наиболее полно отражающим специфику поля аспектуальности или, иначе, семантической доминантой аспектуальности, является отношение действия к его внутреннему пределу.

Поскольку компоненты поля аспектуальности подробно изучены и описаны в научной литературе, нет надобности останавливаться детально на каждом из них. Опираясь на данные исследований А.В.Бондарко, А.М.Шелякина, Ю.С.Маслова и других, укажем лишь на наиболее общие черты компонентов поля русской аспектуальности.

Ядром поля является грамматическая категория вида. Несовершенный вид показывает действие в самом протекании или повторении как еще не достигшее границ в своем осуществлении на линии времени. Совершенный вид обозначает действие как целостный факт, ограниченное с двух сторон: с одной стороны – началом действия, с другой – достижением той или иной границы.

Категория вида, являясь ведущей в грамматической системе русского языка, оказывает глубокое влияние на всю систему русского глагола. От нее зависят особенности

⁸ Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С.76.

обозначения глагольных форм: например, формы будущего времени у глаголов несовершенного вида образуются аналитически ("буду читать"), у глаголов совершенного вида синтетически ("прочитаю"). От категории вида зависит в ряде случаев и синтаксическая сочетаемость глаголов; например, только с глаголами совершенного вида сочетаются слова со значением мгновенности, неожиданности, полноты: "внезапно упал", "полностью прочитал". С категорией вида связаны особенности функционирования некоторых глагольных форм; например, повелительное наклонение совершенного вида с отрицанием имеет значение предостережения: "не стукнись", "не упали"; несовершенного вида – абсолютного отрицания действия: "не пиши", "не говори". Категория вида влияет на словообразование глаголов и отглагольных имен; например, отглагольные прилагательные с суффиксом -к- образуются только от глаголов несовершенного вида: "ломать – ломкий", "клеить – клейкий"⁹.

Категория вида, представляя грамматический уровень аспектуальности, тесно взаимодействует с ее лексико-семантическим уровнем. Лексико-семантический уровень представлен морфемно характеризованными или нехарактеризованными элементами значений, которые определяют видовые свойства русского глагола. В этом плане важной является категория предельности/непредельности, которая характеризует глаголы с позиции направленности/ненаправленности их к пределу (границе). Предел может выступать в виде неизбежного результата или цели действия: "читать книгу", "строить дом"; временной границы определенной длительности действия: "поспать"; временной границы начала или конца действия: "заплакать", "отшуметь"; краткого проявления действия и др.¹⁰

Категорию предельности/непредельности формируют способы действия, выражающие типы протекания действия. Способы действия могут быть морфемно характеризованными

⁹ Шелякин А.М. Категория вида... С.8-9.

¹⁰ Там же. С.11.

(модифицирующими) и морфемно не характеризованными (базисными). Морфемно характеризованные способы глагольного действия по своей семантике подразделяются на три группы: уточнения характера протекания действия во времени; количественно-временной характеристики действия; уточнения характера достигаемого действием результата¹¹.

А. Способы действия, уточняющие характер протекания действия во времени:

1. Начинательный, выражающий начало осуществления действия, переход его из "небытия" в "бытие". Отличается отсутствием семы завершительности названного действия, "прогивопоставлен завершительности и результативности, ограниченности и семельфактивности"¹². Для выражения начала действия используются специальные приставки за: "заговорить", "запеть"; по-: с глаголами движения "побежать", "полететь"; вз-: "взвыть", "взречь".

Значение начинательности в русском языке выражается также аналитически конструкцией фазовый глагол "начать/стаг" плюс инфинитив или существительное: "начать обсуждать", "начать работу", "стал петь", "стал возмущаться". Кроме того, сема начинательности присутствует в содержании глаголов семантических полей бытийности: "возникнуть", "появиться", "создаться", "организоваться", "основать", "сформировать", "сдружиться" и др.; инхоативных с общим значением становления признака: "изменяться", "превращаться", "становиться", "улучшаться", "соединяться", "каменеть", "тяжелеть", "худеть", "портиться" и др.; обладания: "получить", "купить", "найти"; движения: "трогаться", "стартовать"; чувства: "возбуждаться, пробуждаться"¹³.

¹¹ См.: Русская грамматика. Т.1. С.596.

¹² Соколов О.М. К характеристике способов глагольного действия (Вопросы сопоставительной аспектологии). Л., 1978. С.73.

¹³ Ахмеджанова Р.Н. Выражение понятий начала и конца действий (на материале глагольной лексики русского и башкирского языков): Дис...канд.филол.наук. Л., 1984.

2. Финитивный, выражающий конечно-временной момент осуществления действия. При этом важно, закончилось ли действие, исчерпав себя, дойдя до логического конца, или же прекратилось под действием причин извне. Морфологическим средством выражения конца действия является аффикс *от-*: "отшуметь", "отсеяться", "отзвучать", "отзаниматься" и др. Аналитически значение конца действия выражается конструкцией фазовый глагол "кончить/кончать", "перестать/переставать", "прекращать/прекратить" плюс инфинитив глагола или существительное: "кончить говорить", "кончить работу". Следует учесть, что глагол "кончить" употребляется при обозначении нормального завершения процесса, достижения естественного предела действия, дальнейшее продолжение которого невозможно: "закончить сев, уборку урожая". Глагол "прекратить" обозначает прекращение чего-либо раньше срока, тогда как действие могло иметь продолжение: "прекратить прения, споры". Глагол "перестать" нейтрален в этом отношении, вероятно, этим объясняется частота его употребления в словарях при толкованиях слов с фазовым компонентом "конец действия"¹⁴.

3. Детерминативно-временные способы характеризуют проявление действия в ограниченном отрезке времени, подразделяются на длительно-ограниченный, делимитативный (ограничительный) и протяженно-одноактный. Длительно-ограниченный (пердуративный) обозначает действие, которое проявляется в сравнительно длительные и определенные отрезки времени. К нему относятся глаголы с приставками *про-*: "просидеть два часа"; *от-*: "отработать после института два года"; *пере-*: "переспать ночь". Все пердуративные глаголы в основном одновидовые.

Делимитативный (ограничительный) характеризует действия, происходящие в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени. Это глаголы с приставкой *по-*: "посидеть, походить"; ряд глаголов с другими

¹⁴ Там же. С.70-73.

приставками: "вздремнуть", "всплакнуть", "пройтись", "прихворнуть", "перекурить", "переждать".

Протяженно-одноактный характеризует одноактное, имеющее определенную длительность действие. Это глаголы звучания с приставкой про-: "прогрохотать", "провыть" и др. Б. Способы действия, содержащие количественно-временную характеристику действия:

1. Одноактный, выражающий действие, совершаемое один раз, мгновенно. Глаголы одноактного способа действия образуются присоединением суффикса -ну- к основам глаголов, обозначающих действие, состоящее из множества однородных актов: "колоть - кольнуть", "прыгать - прыгнуть".

2. Многократный реализуется в подвидах: а) значение многократной повторяемости (итеративности) выражается глаголами на -ива-/-ва-/-а-, образованными от ограниченно-го круга основ со значением разнонаправленного движения: "хаживать"; восприятия: "слыхивать"; речи: "говаривать"; существования: "живать"; положения и изменения положения в пространстве: "сживать", "леживать"; конкретного физического действия: "шивать", "нашивать"; б) значение нерегулярной повторяемости действия, ослабленного в своем проявлении, выражается глаголами с префиксом по- и суффиксом -ива- /-ва-/-а-: "побаливать", "пошучивать", "похваливать" и др.; в) значение повторяемости действия в относительно длительный временной период выражается глаголами с префиксом раз- и суффиксом -ива-/-ва-/-а-: "расхаживать", "распевать", "раскуривать"; г) сопроводительный способ действия образуется при помощи приставок при-, под- и суффикса -ива-/-ва-/-а-, обозначает ослабленное действие, сопровождающее другое действие: "подпевать", "прихлопывать", "приговаривать".

В. Количественно-результативные способы действия:

1. Комплетивный обозначает действие, достигшее в своем проявлении результата, однако к этому значению примешивается оттенок доведения действия до конечной фазы: "докурить", "досечь", "дочигаать"; до нормы: "досыпать", "подлить".

2. Количественно-интенсивный характеризует ту или

иную степень интенсивности в проявлении результативных действий, причем в зависимости от степени проявления результативного действия выделяют подвиды количественно-интенсивного способа действия¹⁵: а) аттенуативный (смягчительный), выражающий ослабленную, неполную степень проявления действия. Это глаголы с приставками над-: "надрезать", "подпилить"; под-: "подкрасить"; при-: "припудрить"; б) недостаточно-нормативный, обозначающий действие, результат которого не отвечает норме. К нему относятся глаголы с приставкой недо-: "недоварить", "недолечить"; в) интенсивно-усилительный, обозначающий достижение высокой степени в развитии интенсивности действия. Это глаголы с приставкой раз-: "разобидеть", "раскритиковать", "раскормить", "растолстеть"; г) чрезмерно-нормативный, выражающий чрезмерную степень либо в количественно-временном проявлении действия: "переварить мясо"; либо в количественно-объемной направленности действия: "пересолить", "переперчить". Сюда относятся глаголы с приставкой пере-: "перекрахмалить", "переплавать", "перегнуть" и др.

3. Результативно-обстоятельственные делятся на реформативно-повторительный, указывающий на повторный характер действия, которое производится с целью изменения первичного результата, выражается глаголами с пере-: "переделать", "перекроить"; б) на репродуктивный, обозначающий повторность действия без изменения первичного результата: "переиздать", "переизбрать"; в) на проспективный, выражающий предназначенность результата действия для будущего использования: "засолить", "предрешить", "подготовить" и др.

Структура ФСП аспектуальности русско-го языка может быть представлена схематически (схема 3).

¹⁵ Приводятся по кн.: Шелякин М.А. Категория вида... С.184-186.

§ 2. Аспектуальность казахского языка

В казахском языкознании утвердилось мнение об отсутствии грамматической категории вида. Следовательно, функционально-семантическое поле аспектуальности казахского языка не имеет такого грамматического ядра, каким является вид в функционально-семантическом поле аспектуальности русского языка.

В отличие от русского языка, в котором вид относится к важнейшей глагольной категории, в системе глагольных категорий казахского языка на первый план выдвигается широко разветвленная грамматическая категория времени. Аспектуальность казахского языка представлена богатой и своеобразной системой способов глагольного действия, основная часть которых выражается аналитически соединениями деепричастных форм полизначных глаголов с личными формами вспомогательных глаголов. Помимо этого часть аспектуальной семантики, выражаемой в русском языке категорией вида, передается в казахском языке теми или иными временными формами глагола.

Отметим еще одну особенность казахского языка, заключающуюся в тесной спаянности аспектуальных и модальных значений, в результате чего выделяется особая группа аспектуально-модальных способов действия. Иными словами, отсутствие грамматической категории вида восполняется разветвленной сетью способов действия и развитой системой временных и модальных форм, совокупность которых способна передавать тончайшие оттенки характера протекания обозначаемого действия.

Терминология аспектуальности казахского языка находится в стадии разработки, в существующих работах многие способы действия именуется описательно, неоднозначно. В силу этого мы взяли на себя смелость ввести ряд терминов для обозначения способов действия казахского языка, отметив их звездочкой. Три термина (репетитивный, дубликативный, частотативный) заимствованы из работ Д.М.Насилова. Способы действия, эквивалентные русским способам, именуется аналогично: ингрессивный, общерезультативный, специальнорезультативный, семельфактивный, причем здесь за основу принята система терминов, представленная в работе Ю.С.Маслова "Система основных понятий и терминов славянской аспектологии" (Вопросы общего языкознания, Л., 1965, С.53-80).

Рассмотрим способы действия казахского языка.

1. Начинательные:

- Ингрессивный обозначает только начальный этап проявления действия, выражается конструкцией "деепричастие основного глагола на -а(-е, -й)+ баста-" (не вдаваясь в суть полемики о статусе сочетаний в казахском языке полнозначного глагола в форме деепричастия и вспомогательного глагола - сложные глаголы, перифрастические, аналитические формы, составные глаголы и т.д. - отметим, что мы придерживаемся точки зрения А.М.Щербака, считающего, что грамматикализованные перифрастические образования, будучи соотносимыми по содержанию с отдельными словоформами, а по форме - со словосочетаниями, являются устойчивыми лексико-грамматическими сочетаниями, обособление их от обычных парадигматических форм не содержит в себе ничего ошибочного. Такое обособление позволяет исследовать указанные образования и в целом, как специфическое явление, и порознь для определения уровня их грамматикализации"¹⁶): жүгіре бастау" (забегать), "жылай бастау" (заплакать), "жасыра бастау" (начать

¹⁶ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977. С.19.

скрывать) - и конструкцией "дат.п. отглагольного существительного + кірісу": "сыпыруға кірісу" (приступить к уборке), "ғиеуге кірісу" (начать погрузку), "іздеуге кірісу" (приступить к поискам), "бітіруге кірісу" (приступить к завершению).

Конструкция с глаголом "кірісу" имеет оттенок официальности и употребляется в основном в деловой речи.

- Императивный (лат. *impetus* - стремление) передает значение стремительного начала действия и выражается конструкцией "деепричастие на -а/ -е, -й/ + жөнелді".

Данная конструкция характерна для глаголов движения: "қаша жөнелді" (сорваться и убежать), "әрмелей жөнелу" (поползти быстро), "зыға жөнелу" (начать убежать).

Стремительное начало действия выражается также конструкцией "деепричастие на -п + жіберу":

Кел, достар, көгерелік

күңгірлегіп,

Ал досым, көңілді күй

жібер шергіп (заиграй) (Қ.Аманжолов);

О, Муза!

Маған алыс сәреңді бер.

Бақайыпған кел де, мені демеп

жібер (поддержи) (М.Мақатаев).

Возможность выражения императивного способа действия данной конструкцией зависит от семантики основного глагола. Так, в этой функции не могут употребляться глаголы, обозначающие психические процессы: "жылау" (плакать), "айқайлау" (кричать); обозначающие действия, совершаемые быстро, моментально, за один раз: "соғып жіберу" (ударить).

- Импровизаторный* (лат. *improvisus* - неожиданный, непредвиденный) обозначает неожиданное начало действия и выражается конструкцией "деепричастие на -п (от глаголов психических процессов) + жіберу": "айқайлап жіберу" (неожиданно закричать), "жылап жіберу" (вдруг заплакать), "күліп жіберу" (неожиданно засмеяться): Күліп бір сұмдықтың болғанын сезіп, зәресі ұша дауыстап

жіберді (заплакала): - Сұлған-ау, не істеймін, - деп Қу-
липа жылап жіберді (заплакала) (С.Мұрағбеков).

Отенок неожиданности, внезапности усиливается прибав-
лением к указанным конструкциям частицы "кеп" (сравним
действие частицы "как" в сочетаниях "как вскрикнет",
"как побежит");

Бар даусымен айқайлап

жіберді кеп (как закричит),

Жер құлағын ғұндырды

даусы мұның (Қ.Аманжолов).

- Спонтанный* (лат. *spontaneus* - самопроизвольный) обозначает внезапное и независимое от субъекта начало действия, не контролируемое сознанием субъекта начало действия, выражается конструкцией "деепричастие на -п (от глаголов психического состояния) + қоя берді": Осы ой келгенде Ержанның денесі мұздап қоя берді (похолодало) (Т.Ахтанов); Төбе құйқам шымырлап қоя берді (Т.Ахтанов).

- Континуативный обозначает действие в стадии продолжения и выражается несколькими конструкциями: "деепричастие на -п + бара жағ", "деепричастие на -п + келе жағ", "деепричастие на -п + кел", "деепричастие на -п + бар"¹⁷, "деепричастие на -а + бар". Из этих конструкций "деепричастие на -п + бара жағ" и "деепричастие на -п + бар" обозначают продолжение действия с некоторым усилением интенсивности:

Китен килм, асқа ырза

күндегі ішкен,

Жалықтым-ау, осы бір күн

көрістен.

Үмітім де үзіліп бара жағыр (геряется),

Мына құрғыр мандымай

жүрген істен (М.Мақатаев);

Үй-іші жүдеп бара жағғы (беднело) (Т.Ахтанов).

Конструкции же "деепричастие на -п + кел", "деепри-

¹⁷ Оралбаева Н. Қазақ тіліндегі егістіктің ана-
литикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы. Алма-
ты, 1979. 158-161-б.

частие на -п + келе жаг" выражают лишь продолжение действия без дополнительных смысловых огенков:

Кундер,

Қайда асығып барасыңдар (горопитесь) (М.Мақатаев);
Күн ұясына қонып барады (заходит) (С.Мұратбеков);
Совет армиясы бұрынғысынша шегініп бара жагты (продолжала отступать) (Т.Ахтанов).

Значение продолжения действия выражается конструкцией "деепричастие на -п + бар" в сочетании с глаголами состояния: Сулган оған бажырая бір қарады да бұрынғысынша үнсіз отыра берді (продолжал сидеть) (С.Мұратбеков);

Тағы, тағы,

Тағы да, тағы да кел,

Ағыла бер, жырларым, ағыла бер (лейтесь) (М.Мақатаев).

В сочетании с инхоативными глаголами данная конструкция обозначает продолжение действия, характеризующееся усилением интенсивности: Бүкіл егіл даласы Бекеннің көз алдында бой гүзеп, гүрлене берді (все изменялась) (С.Мұратбеков); Машина гүрлілі жақындай берді (приближалась) (Т.Ахтанов).

- Общерезультативный обозначает логическую завершенность действия, действие, достигшее своего предела, исчерпавшее себя, и выражается конструкциями "-п біт", "-п бол", "-п кет", "-п қал": Әп-сәтте гүсірліліп болды (выгрузили) (С.Мұратбеков); Тобықтының игі жақсылары, ендігі қалған ағқа мінер ер-азамагтары гүске дейін голық келіп біткен (приехали) (О.Бөкеев).

- Специально-результативный: а) с тотально-объектным огенком - обозначает "законченность действия от начала до конца"¹⁸, объект охвачен действием полностью. В тексте лексико-грамматическое средство выражения, обычно дополняется еще и лексическими показателями. Например: "Генерал Панферов взводтың бекінісіні түгел аралап шықты" - Т.Ахтанов (Генерал Панферов обошел все укрепления взвода); "Жол бойы Бекен бар әңгімені айтып шықты" -

¹⁸ Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. М., 1952. С.377

С.Мұратбеков (За дорогу Бекен рассказал все истории); б) с оттенком интенсивности – обозначает действие, достигшее предела и совершенное энергично, решительно, выражается конструкциями "деепричастие на -п + ал": – Сабыр ет, қазір анықтаймыз, – деп тыйып тастады (резко оборвал) (Т.Ахтанов); Жеңіспен тез аяқталған қызу айқас жауынгерлерді желпілтіп тастады (быстро развеяла) (Т.Ахтанов).

Особо следует оговорить употребление конструкции с вспомогательным глаголом "ал-", выражение специально-результативного способа данной конструкцией возможно лишь при полной десемантизации вспомогательного глагола, при полной утрате связи с полнозначным глаголом "ал-" (брат "қанжарын жұлып алды..." (выхватил кинжал). Если же наблюдается хотя бы слабая связь с полнозначным глаголом "ал-", то конструкция "деепричастие на -п + ал-" начинает обозначать коммодный способ действия; в) с оттенком эпизодичности – обозначает завершённое действие, происшедшее, однако, быстро, без особой сосредоточенности, мимоходом. Выражается конструкцией "деепричастие на -п + ет": Бағу илн тірескен жұрттың жүзін бір шолып өтті (пробежал глазами (1.Есенберлин).

– Репетитивный указывает на неоднократное последовательное повторение однородных ситуаций в определенный период времени. Репетитив в казахском языке, как и в других тюркских языках¹⁹, передается несколькими способами. Наиболее употребительным средством выражения репетитива в казахском языке являются аффиксы – қыла/–рыла, –мала/–меле, –қышта/–рышта: Ол өрттің арғы жақ қанағынан бері қарай желкілдеген бидайды жаңышқылап. (подминая) езіп, жерді қопарып, тілтілей (разрезая) жүріп келеді (З.Шашкин); Оғар тәуірленіп кеткеннен кейін де тамарын сылтаурағып дәрігер, қызға келгіште берді (захаживать) (С.Мұратбеков).

¹⁹ См.: Насилов Д.М. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюрпология 1985. № 1. С.68.

Репетитив выражается также редупликацией деепричастия, образованного от глаголов, обозначающих кратные действия: Көкжалды құйрығынан ұстап алып, бұлғап-бұлғап (раскачав) лақтырып кеп жіберді (Каз. ертегі); Пилоткасын бір шекесіне басыңқырап қойып (домбыраны) күйге келгіріп дыңылдағып аз отырды да, қарып-қарып жіберді (ударил несколько раз) (Т.Ахтанов).

Значение повторяемости, неоднократности может выражаться аффиксом -ла, образующим репетитив от глаголов, обозначающих кратные действия:

Арнасынан ақ балықты
Алмадым деп өкшелеп (повыбирая),
Жүргендер бар өмір-бақи
Өзіне-өзі өкпелеп (Т.Иманбеков).

- Дупликатив, указывающий на совершение в один период двух разнонаправленных действий - движений, выражается формами глаголов с прогивоположными значениями, представленных либо в виде конструкций деепричастия с вспомогательным глаголом "барып келу" (букв.: пойти вернуться), либо в виде парных глаголов: "ашып - жуму" (открыть - закрыть), "ашып - жабу" (открыть - закрыть).

В отличие от других способов действия оба компонента дупликатива представлены полнозначными глаголами, что делает возможным дистантное употребление компонентов дупликатива: Бірақ хазіреттің ризалығын алсын, барып сұрап келсін - деді Шоқып (букв.: поидет, спросив извинения, придет) (Д.Әбілев); Бағиланы Сұлтанмахмұт барып ергіп келді (букв.: пошел, приведя) (Д.Әбілев). В подобных случаях глагол, выступающий в роли второго компонента, оказывается связанным с двумя глаголами одновременно, т.е. наблюдаются параллельные синтаксические связи.

- Фреквентативный обозначает цикличное и систематическое повторение действия ²⁰отдельно для каждого периода времени. В казахском языке, как и в других тюрк-

20

Там же. С. 70.

С.Мұратбеков (За дорогу Бекен рассказал все истории); б) с оттенком интенсивности – обозначает действие, достигшее предела и совершенное энергично, решительно, выражается конструкциями "деепричастие на -п + ал": – Сабыр ет қазір анықтаймыз, – деп тыйып тастады (резко оборвал) (Т.Ахтанов); Жеңіспен тез аяқталған қызу айқас жауынгерлерді желпілтіп тастады (быстро развеяла) (Т.Ахтанов).

Особо следует оговорить употребление конструкции с вспомогательным глаголом "ал-", выражение специально-результативного способа данной конструкцией возможно лишь при полной десемантизации вспомогательного глагола, при полной утрате связи с полнозначным глаголом "ал-" (брат "қанжарын жұлып алды..." (выхватил кинжал). Если же наблюдается хотя бы слабая связь с полнозначным глаголом "ал-", то конструкция "деепричастие на -п + ал-" начинает обозначать коммодный способ действия; в) с оттенком эпизодичности – обозначает завершённое действие, происшедшее, однако, быстро, без особой сосредоточенности, мимоходом. Выражается конструкцией "деепричастие на -п + өг": Бату илн тірескен жұрттың жүзін бір шолып өтті (пробежал глазами (И.Есенберлин).

– Репетитивный указывает на неоднократное последовательное повторение однородных ситуаций в определённый период времени. Репетитив в казахском языке, как и в других тюркских языках¹⁹, передается несколькими способами. Наиболее употребительным средством выражения репетитива в казахском языке являются аффиксы – қыла/–рыла, –мала/–меле, –қышта/–рышта: Ол өрттің арғы жақ қанатынан бері қарай желкілдеген бидайды жаңышқылап (подминая) езіп, жерді қопарып, тілтілей (разрезая) жұрп келеді (З.Шашкин); Оғар тәуірленіп кеткеннен кейін де тамарын сылтаурағып дәрігер қызға келтіште берді (захаживать) (С.Мұратбеков).

¹⁹ См.: Насилов Д.М. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология, 1985. № 1. С.68.

Репетитив выражается также редупликацией деепричастия, образованного от глаголов, обозначающих кратные действия: Көкжалды құйрырынан ұстап алып, бұлрап-бұлрап (раскачив) лақтырып кеп жіберді (Каз. ертег.); Пилогкасын бір шекесіне басыңқырап қойып (домбыраны) күйге келгірліп дыңылдаттып аз отырды да, қарып-қарып жіберді (ударил несколько раз) (Т.Ахтанов).

Значение повторяемости, неоднократности может выражаться аффиксом -ла, образующим репетитив от глаголов, обозначающих кратные действия:

Арнасынан ақ балықты

Алмадым деп әкшелеп (повыбирая),

Жүргендер бар өмір-бақи

Өзіне-өзі әкшелеп (Т.Иманбеков).

- Дупликатив, указывающий на совершение в один период двух разнонаправленных действий - движений, выражается формами глаголов с прогивоположными значениями, представленных либо в виде конструкций деепричастия с вспомогательным глаголом "барып келу" (букв.: пойти вернуться), либо в виде парных глаголов: "ашып - жуму" (открыть - закрыть), "ашып - жабу" (открыть - закрыть).

В отличие от других способов действия оба компонента дупликатива представлены полнозначными глаголами, что делает возможным дистантное употребление компонентов дупликатива: Бірақ хазіреттің ризалығын алсын, барып сұрап келсін - деді Шоқып (букв.: пойдет, спросив извинения, придет) (Д.Әбілев); Бағиланы Сұлтанмахмұт барып ергіп келді (букв.: пошел, приведя) (Д.Әбілев). В подобных случаях глагол, выступающий в роли второго компонента, оказывается связанным с двумя глаголами одновременно, т.е. наблюдаются параллельные синтаксические связи.

- Фреквентативный обозначает цикличное и систематическое повторение действия отдельно для каждого периода времени²⁰. В казахском языке, как и в других тюрк-

ских языках, фреквентатив выражается конструкцией "деепричастие на -п + жур (гүр)": Алмағыда жүргенде де Ержан қызметтес командирмен бірге қалаға барып тұрды (ходил) (Т.Ахтанов); Күсеннің өзі тоңға оранып, қой қраның төбесінде ұйықтап жүрді (спал) (С.Мұратбеков). Фреквентатив выражается также конструкцией "деепричастие на -а (-е, -й) + бер", однако при этом вносится определенный семантический оттенок: повторяемость действия происходит с некоторой долей усиления частотности и в более длительный период: Енді бармаймын деп өзіне қанша уәде берсе де, шыдап отыра алмады. Мешіт қасына тағы барды, бара берді (начал часто приходить) (І.Есенберлин); "Оу, не боп кеткен, не боп кеткен" деп күбірлей берді (продолжал говорить вполголоса).

- Иррегулярно-репетитивный * обозначает нерегулярно повторяемое действие и выражается конструкцией "деепричастие на -п + қой", вспомогательный глагол в форме настоящего переходящего времени: Қолдарын айқастыра ұстап, қатар коньки теуіп келе жатып екеуі бір-біріне қарап қояды (посматривают) (Т.Ахтанов); Ауыздықтарын қаршылдаға шайнап, /ағтар/ пысқырынып қояды (пофыркивают) (С.Мұратбеков).

- Инцептивно-константно-репетитивный * (лат. *insertum* - брать начало, *constans* - постоянный, равномерный, *repetitum* - повторение) обозначает действие, которое стало или будет для субъекта привычным, совершаемым постоянно, начиная с определенного времени. Значение этого способа действия близко к значениям сложных форм прошедшего времени казахского языка²¹, но отличается наличием значения временной точки отсчета, после которого действие становится привычным, постоянно совершаемым. Указанный способ действия в казахском языкознании никем ранее не был отмечен. Мы понимаем, что термин "инцептивно-константно-репетитивный" несколько тяжело-

²¹ См.: Современный казахский язык. Фонетика и морфология, Алма-Ата, 1962, С.344-345.

ват, однако более подходящего гермина мы не нашли.

Данный способ действия выражается конструкцией "причастие на -тын + вспомогательный глагол бол-": Ол ол ма, бұрын жаңа тускен жас келіндей сызылып бағатын Жақан бүгінде бастығының жол қысқарту үшін айтағын әңгімесіне ауық-ауық сөз қыстырып қоятын болды (стал вставлять) (Ә.Кекілбаев); Сәдір қосын Артықбайдың үйіне жақын тігіп жағқаны да рас еді/.../. Сәдірдің қасында он шақты жігіттері де бар. Енді Артықбай шал ешкімнен де қорықпайтын болды (не будет бояться) (Ғ.Мұсрепов).

Значение инцептивно-константно-репетитивного способа действия поддерживается обычно всем контекстом. Так, в первом приведенном примере высказывание четко делится на две части, в первой части описывается действие, характерное для героя раньше; во второй части - действие, характеризующее героя теперь. Противопоставление частей выражается и лексически "бұрын" (раньше) - "бүгінде" (сейчас). Во втором примере подобную функцию выполняет слово "енді" (теперь).

- Семельфактивно-моментный обозначает однократное мгновенное действие и выражается конструкциями "звукотрагическое слово (гурс, гарс, селк, санқ, бұрқ, солқ, дір, жалғ и др.) + ете + түс (қал) в форме недавно прошедшего времени": Мылғық гурс ете түсті (ухнуло ружье) (С.Мұратбеков); Ақырында, шаңқай түстегі шілде аспаны жарқ ете қалды (сверкнуло) (Ә.Кекілбаев); Фальчагин кіргенде Уәли селк ете қалды (вдрогнул).

- Субито-семельфактивный (лат. subitus - внезапный) обозначает действие однократное, осложненное значением внезапности, легкости осуществления, выражается конструкциями "деепричастие на -а + қой (кет, қал)": Бату кенет ойлана қалды (Бату вдруг задумался) (1.Есенберлин); Әкелеріміз өзара құда түсті де бас-аяғы ұш-төрт күннің ішінде той-томаларын жасап үйлендіре қойды (быстренько женили) (С.Мұратбеков); Ән, әйлі, әйлі дегына қалды (М.Мақатаев) (Песня оборвалась, шутки тотчас же угасли).

- Семельфактивно-обитеральный (лат. obiter - попутно) обозначает действие однократное, выполненное без особого старания, мимоходом, как попало. Выражается конструкцией "деепричастие на -а(-е, -й) + сал (қал) в форме недавно прошедшего времени": Мурат та дәл сол жерде (Уәлид) оғқа итере салды (толкнул) (Т.Ахтанов); Сәзінің сонын әзілге бұрған Жолбай шетте голы қапты... сау еткізіп гөге салды (высыпал) (С.Мұратбеков).

- Смягчительный способ обозначает действие, "совершающееся не в полной мере, а только в начальной его стадии или в виде подражания данному действию или состоянию" ²², выражается сложным аффиксом -ымсыра/-1мсіре, -ымсы/-1мсі: "жыламсырау" (хныкать), "күл1мсіреу" (слегка улыбаться).

- Левитеральный (лат. leviter - слегка) обозначает неполное действие по сравнению с другим таким же действием, как указывает Н.А.Баскаков, может быть соотнесен со сравнительной степенью прилагательного. Выражается двояко: сложным аффиксом -ыңқыра/-1ңкіре или конструкцией "деепричастие на -а + түс". Например: Сәлем аласа есіктен еңкей1ңкіреп кір1п, табалдырықты аттады, (слегка пригнувшись) (Б.Тілегенов); Сәкеннің қарашығы үлкен, кірпігі ұзын, көзі деңгелен1ңкіреп біткен, қасгары қалын (слегка округленные) (С.Мұқанов); Бірақ айығудың орнына науқасы кун сайын күшейе түсгі (значително усиливалась) (С.Мұратбеков); Бірақ дәрменсіз екенін білгеннен кейін қайгадан сары уайымға салына түсгі (все больше предавалась печали) (І.Есенберлин).

- Ретардагивный (лат. retardatus - замедленный) указывает на замедленный характер развертывания действия, выражается конструкцией "деепричастие на -а + жағар": "бола жағар" (будет со временем), "біле жағар" (узнает потом), "үйрене жағар" (научится со временем).

Данный способ действия не очень употребителен. Вспомогательный глагол должен быть только в форме будущего продолжительного времени. Семантику этого способа дей-

²² Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. С.362.

ствия на русском языке можно передать посредством обстоятельственных детерминантов "со временем", "потихоньку": "Уйрене жагар" (со временем научится).

2. Аспектуально-модальные

В казахском языке, как и в других тюркских языках, аспектуальные значения настолько тесно переплетены с модальными, временными, залоговыми значениями, что порой невозможно расчленить их. Способы действия, условно объединенные нами в данную группу, издавна выделялись исследователями тюркских языков, однако анализировались они порознь. Мы сочли возможным ввиду отражения в этих способах помимо аспектуальных значений категории модальности определить их как аспектуально-модальные способы. Отметим, что в этих способах отразилась модальность двух типов: реальность/нереальность действия (отношение действия к реальной действительности) и отношение субъекта к выполняемому действию:

- **Интерруптивный*** (лат. *interruptus* - прерванный) указывает на то, что действие могло совершиться, возможно, даже началось, но было прервано и не состоялось в силу каких-то условий. Выражается конструкцией "деепричастие на -а + вспомогательный глагол жазда". Конструкция продуктивна, не имеет ни семантических, ни грамматических ограничений. Например: ...Көжек қуаныштан жарылып кете жаздады (чуть не лопнул) (Т.Ахтанов); Әлімнен қорқам, кете жаздаймын жынданып (едва не схлещу с ума) (М.Мақатаев); Ұяттан өргене жаздап жағыр (едва не горит со стыда) (С.Мұратбеков).

- **Фаллацивный*** (лат. *fallax* - обманчивый, лживый) обозначает действие, которое не было совершено, однако субъекту выгодно представить, что оно или совершилось, или совершится²³. Фаллацивный способ интересен тем, что в нем спаянно выражается модальность двух указанных типов: во-первых, это действие нереальное, во-вторых,

²³См.: Ахметжанова З.Қ. Сопоставительное исследование лексики тюркских (казахского, киргизского, узбекского) и русского языков (универбы и перифразы): Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982. С.77-79.

для субъекта желательно/выгодно представить его как реальное действие. Данный способ действия может выражаться аффиксом -сы или конструкцией "-ран бол". Аффиксальное выражение фаллазивного способа действия является более продуктивным: "білгенсу" (выдавать себя за знатока), "кісімсу" (воображать себя важным, большим человеком); "Алдар Кесе өлген болып жатты" (Алдар-Кесе притворился мертвым) (Қаз.өртеп); Көрсө де көрмеген болып жүре берді (делая вид, что не видит) (Т.Ахтанов).

Значение фаллазивного способа действия усиливается, приобретая оттенок ирреального сходства с реальным действием, когда употребляется конструкция "-рандай бол" (у Т.Конырова²⁴ подобные факты квалифицируются как III вид психологического сравнения): Бұл үн Қойшының алысқа, ғым-ғым алысқа жолаушылап кеткен махаббатынан хабар жеткізгендей болды (будто донес весточку) (О.Бөкеев); Қойшының жүрегін дәл осындай бір беймәлім сәуле шабақтап өткендей болған (будто луч света промелькнул) (О.Бөкеев).

- Гипотетический * обозначает действие, осуществление которого входит в намерения субъекта. Выражается конструкциями "деепричастие на -ғалы + вспомогательный глагол отыр (жат, тұр, жүр)", "форма на -йын + де", "форма -мақ/мек + вспомогательный глагол бол". Например: Жазғы лекцияларда екеуі қағар отырып бірге қайтағын болды (решили вместе вернуться) (Т.Ахтанов); Ертен ол қалаға кеткелі отыр (поедет).

Указанные конструкции неравнозначны по своей продуктивности: конструкции "деепричастие на -ғалы + вспомогательный глагол отыр (жат, тұр, жүр)" и "форма на -йын + де" обладают большей продуктивностью: "жылағалы отыр", "жүргелі отыр", "күлгелі отыр", "жылайын деді", "күлейін деді", "жүрейін деді". Конструкция "форма на -мақ/мек + вспомогательный глагол бол" менее продуктивна: "журмек болды", но "тұртпек болды", "күлмек болды".

²⁴ См.: Коныров Т. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке. Алма-Ата, 1985. С.198.

продуктивна: "жүрмек болды", но "түртпек болды", "күлмек болды".

Различие между конструкциями наблюдается и в семантике. Конструкция "форма на -мақ/мек + вспомогательный глагол бол" обозначает действие, которое субъект намеревается осуществить в будущем в обязательном порядке. Это значение передается причастной формой на -мақ и усиливается прибавлением вспомогательного глагола "бол". Такое же значение выражает конструкция "форма на -атын + бол". Конструкции "деепричастие на -ғалы + отыр (тұр, жүр, жатыр)" и "форма на -йын + де" обозначают действие, которое субъект намеревается осуществить, но осуществится ли это намерение, неизвестно.

- Сопроводительный обозначает действие, совершаемое небрежно, попусту, на фоне другого действия, являющегося для субъекта более важным. Иначе говоря, данный способ действия выражает аспектуальные и таксисные отношения одновременно. Таксис усматривается в том, что действие (1), являющееся объектом экспликации, протекает одновременно с другим действием (2), хотя длительность их может не совпадать. Условно изобразим их так:

1 —————→

2 —————→

При этом эксплицитность выражения может быть различной - от полной эксплицитности: "Сабақ біткенше далада жүре тұр" (Походи на улице, пока не кончится урок), при которой отношение таксиса выражено не только конструкцией "жүре тұр", но и гипотаксисом "сабақ біткенше", до минимальной: "Баланы қарай жүр (Присмотри за ребенком), когда таксис выражен только конструкцией "қарай жүр". Сопроводительный способ действия выражается конструкцией "деепричастие на -а + жүр (тұр)".

- Коммодный (лат. *commodus* - удобный, пригодный) обозначает действие, осуществляемое в интересах субъекта или объекта. Н. Оралбаева называет это "целеустремленностью действия"²⁵. Выражается конструкцией "деепричастие на -п + ал (бер)". Например: Күліпа ... осы тракторды пар жыртып жүрген жерінен бір күнге сұрап алды

²⁵Оралбаева Н. Қазақтың қазақ тіліндегі егістіктің аналитикалық форманттары. Алматы, 1975. 88-б.

(выпросила) (С.Мұратбеков); Байқа, шөпгі қалай болса солай шашып гастай салмай, қорасының төбесіне дұрыстап шығарып бер (перебрось – для кого-то) (С.Мұратбеков); Қасқыр, қоян, қарсақ, тулкі терілерін таудай егіп ұйып алғы (навалил, насобирали – для себя) (І.Есенберлин).

Однако не во всех случаях сочетание деепричастия на –п с вспомогательным глаголом “–ал” выражает целенаправленность действия. Если вспомогательный глагол “ал” полностью десемантизирован и в его значении не ощущается никакой связи с полнозначным глаголом “алу” (брать), отсутствует и отгенок целенаправленности действия. Например: Окопта жалғыз өзі емес, өзге де адамдар барын жаңа ғана сезгендей басын көтеріп алды (поднял голову) (Т.Ахтанов); Әжем иегі дір-дір етіп кемсеңдеп, көзіне іркілген ыстық жасты төгіп-төгіп алды (всплакнула) (С.Мұратбеков).

В данных предложениях сочетание деепричастия на –п с вспомогательным глаголом “ал” обозначают либо однократность, либо завершенность действия.

В тех случаях, когда в семантике вспомогательного глагола ощущается связь с полнозначным глаголом “алу” (брать), присутствует и значение целенаправленности действия: Әкесінің ашулы кескінің көріп, көрпені басына дейін жамылып алды (укрылся) (С.Мұратбеков).

Иначе обстоит дело с вспомогательным глаголом “бер–”, который сохранил связь с семантикой глагола “беру” (давать), поэтому во всех сочетаниях деепричастия –п с вспомогательным глаголом “бер–” присутствует значение целенаправленности действия: Генерал шегіне деп бұйырса да, байланыс командирлерін шақырып алып, әр полктың шегінегінің жолын, тоқтайтын пунктерін белгілеп берді (обозначил – для командиров) (Т.Ахтанов).

– Консекутативный (лат. *consecutatio* – следование) указывает на то, что после данного действия сразу же следует другое действие²⁶, т.е. данным

²⁶ См.: Оралбаева Н. Қазіргі қазақ тіліндегі...
103-б.

способом выражаются не только аспектуальные, но и так-
сисные (непрерывная последовательность действий) отно-
шения. Выражается указанный способ действия или сочета-
нием деепричастия на $-a(-e)$ с вспомогательным глаголом
"сала", или глаголом со сложным аффиксом - $1c1$ мен. На-
пример: Ол кел $1c1$ мен сен 1 ізде 1 (Он после приезда сра-
зу же начал тебя искать); Жұмыстан келе сала гамақ,
 $1c1$ теймін. (Придя с работы, сразу же начинаю готовить
ужин).

Данный способ действия казахского языка соотносиге-
лен с типом видового контекста русского языка "предшество-
вание - следование", а именно вариант подчеркнутого выра-
жения непосредственной незамедлительной смены одного
действия другим; только (что) C_1 - (как) C_2 , едва (лишь)
 C_1 - (как сразу) C_2 и г.д. (C_1 и C_2 - формы прошедшего
совершенного вида) ²⁷. Однако в русском языке для вы-
ражения данного соотношения необходимо, чтобы сказуемые
обеих частей были выражены глаголами совершенного вида
в форме прошедшего времени; кроме этого, важен порядок
расположения частей сложного предложения; немаловажную
роль играют и такие показатели, как союзные слова, части-
цы, наречия. Например: "Только они кончили, как ветер
стих".

В казахском языке достаточно одного показателя для
подчеркнутого выражения отношения "предшествование -
следование" с акцентом на первой части - это или слож-
ный аффикс - $1c1$ мен или конструкция "деепричастие
на $-a(-e)$ + сала".

Как указывалось ранее, казахский язык имеет разви-
тую систему временных форм, компенсирующую отсутствие
видовых форм. Часть аспектуальных значений выражается
временными формами казахского глагола. Так, формы
настоящего переходящего времени способны обозначать
многократно повторяемое действие, формы недавно прошед-
шего времени имеют значение результативности.

²⁷ Бондарко А.В. Вид и время русского глагола.
М., 1971. С. 183.

Общее значение той или иной конструкции в ряде случаев определяется временной формой вспомогательного глагола. Это положение хорошо иллюстрируется следующими фактами.

Конструкции "деепричастие на -п + қал" обозначают завершенность действия и наличие его результата, не акцентируя внимания на исчерпанности или доведении действия до предела, если вспомогательный глагол употреблен в форме недавно прошедшего (прошедшего перфектного) времени: Ол жудеп қалды (похудел). Если же вспомогательный глагол "қал" употреблен в форме настоящего переходящего времени; то данная конструкция обозначает нерегулярно повторяющееся действие. Значение нерегулярной повторыемости поддерживается и контекстуальными показателями: Кейбір сондай айтқанда екі жағы да қырылып қалады (В некоторых таких схватках обе стороны терпят большой урон) (Т.Ахтанов);

Әке, сенің жасыңнан асып барам.

Кезі-кезі келгенде гасып га алам (иногда чрезмерно возбуждаюсь),

Кезі-кезі келгенде жасып га қалам (иногда становлюсь слишком тихим),

Мына өмірге, бәрібір, ғашық балаң (М.Мақағаев).

Конструкция "деепричастие на -п + кет" выражают завершенность и результативность действия, если вспомогательный глагол употреблен в форме недавно прошедшего времени: Сақал шашы қауғадай боп әбден өсіп кетті (отросла) (І.Есенберлин); Дәуреннің төсекке басы тигені сол еді, пыс егіп ұйықтап кетті (уснул) (О.Бөкеев); Қала өмірі өзгеріп кетті (изменилась) (Т.Ахтанов).

Значение предельности в виде результата исчезает, уступая место значению длительности, иногда с оттенком постоянства действия, если вспомогательный глагол употреблен в форме настоящего переходного времени: Болмаса қығын ұрыстың зілі өзіннің де, өзгелердің де еңсесін басып кетеді (подавляет) (Т.Ахтанов); Кейде бас айналып, карауытып кетеді (темнеет) (Т.Ахтанов).

Помимо лексико-грамматических средств выражения аспектуальности в казахском языке, как и в русском, существуют лексические показатели аспектуальности. Это в основном наречия, указывающие на однократность или многократность действия: "бірден" (сразу, в один прием); "дүркін-дүркін" (время от времени, периодически); "қайта-қайта" (несколько раз); "ғынбастаған" (неустанно); мгновенность, неожиданность, внезапность действия: "дереу" (тогда, быстро); "абайсызда" (неожиданно, нечаянно); нерегулярность: "анда-санда" (иногда); "кейбір рет" (иногда); определенную длительность: "жазы-қысы" (круглый год); "жыл бойы" (в течение года); "жаздай" (все лето); доведение действия до предела: "бығ-шығ" (вдребезги); "дағдал болу" (изодраться в клочья); "біржолата" (совсем, окончательно); охват действием объекта полностью: "бүгіндей" (целиком, весь, полностью); привычность данного действия для субъекта: "ежелден" (издавна, обычно); неоднократность и быстроту действия: "жалаң-жалаң қарау" (быстро оглядываться по сторонам); "жалаң-жалаң егу" (высовываться на миг/о языке); моментальное выполнение последующего действия: "жалма-жан" (сразу же, тогда же); выполнение действия несколькими субъектами одновременно, вместе: "жапағармай" (все сразу, скопом).

Схематически функционально-семантическое поле аспектуальности можно представить в виде пирамиды, но с усеченной вершиной, ибо такого цельного, грамматического ядра (вершущки), как вид русского языка, казахская аспектуальность не имеет (схема 4).

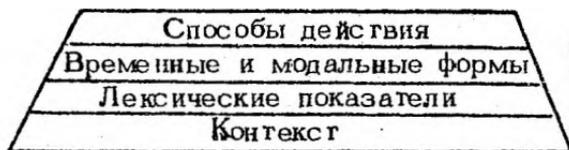

Схема 4

§ 3. Функционирование средств выражения аспектуальности казахского языка в тексте

Как было отмечено, функционирование языковых единиц в казахском тексте не рассматривалось, в силу чего не представляется возможным выявление аспектуальных ситуа-

ций казахского языка, как это было сделано на материале русского языка²⁸. То, что предлагается читателю в данном параграфе, представляет лишь отдельные наблюдения за реализацией языковых единиц в процессе употребления, попытку анализа некоторых фактов.

Комбинаторика способов действия, используемая для характеристики одного действия. В предложении "Ақша деген құрғырың су емес пе, жоқпан өзгеге ұсгалып кете береді" (Проклятые деньги как вода, на что попало расходуются) (О.Бөкеев) действие охарактеризовано сочетанием двух способов: общерезультативного (-п + кет-) и континуативного (кетге бер-). Получившаяся в результате этого сочетания конструкция "ұсгалып кете береді" обозначает типичность общерезультативного действия. Значение типичности, постоянства усиливается формой настоящего переходящего времени. В предложении "Ұлпанның есіне ақ маралы түсіп кетті де жылап жібере жаздады" (чужья не заплакала) зафиксировано сочетание импровизорного (жылап жібер) и ингеруптивного (-е жазда) способов действия. "Артынан келген адамдарға осы араға үй тіккізуге, сусын әкелуге бұйрық берді де, суы жылы сор келте күні-түні шомыла берді, шомыла берді" (купался и купался) (Ғ.Мұсрепов) - действие характеризуется сочетанием континуативного (шомыла бер-) и репетиативного способов повторения действия. В результате в тексте обозначено неоднократное повторение действия, причем само действие представлено как продолжающееся.

Сочетание континуативного и репетиативного способов встречается довольно часто: Ал тапқан гаянғанын, мал сагып ақшасын, шыр-шырғасын шырармай, кассаға сала берер, сала берер (откладывают и откладывают) (О.Бөкеев).

Сочетаясь, репетиатив и континуатив, имея общую смысловую зону (отсутствие предела в виде завершенности, результата), как бы усиливают, оттеняют друг друга. Общее значение обычно подчеркивается и лексическими сред-

²⁸ См.: Теория функциональной грамматики. Л., 1987.

ствами – так, в первом примере огняется сочетанием "кун1-гун1" (и днем и ночью).

Здесь уместно вспомнить замечание А.В.Бондарко о возможности содержательной соотносительности значений, выражаемых грамматическими и неграмматическими средствами. "Именно эта соотносительность, сопоставимость, способность к взаимному притяжению или отгалкиванию создает условия для взаимодействия разнородных компонентов ФСК" ²⁹.

Сочетаемость близких по значению способов действия, служащую для усиления общей смысловой зоны, иллюстрирует и следующий пример: Өкл боп согып қона жагып кететін көк иектер де шәй көйлек, шоңдайма етк, зерл көк1рекше килп, буралып к1рп, буралып шығып жүрген сұлу бойжеткенге әукелер1 салбыраған жуан мойындарын зорға бұрып қарағыштай береді (вся поглядывают) (Ә.Кекілбаев). Действие характеризуется сочетанием репетитивного (қарағышта) и фреквентативного (–а бер–) способов действия, сюда же добавляется значение типичности, выражаемое формой настоящего времени. Получается сплав повторности, продолженности, типичности.

Сочетаемость действий, характеризуемых разными способами действия. Какие действия по своей аспектуальной характеристике могут сочетаться друг с другом? Мы не сделаем открытия, если априори скажем, что могут сочетаться как разнотипные, так и однотипные действия. Это подтверждает и наш материал. Так, типичной является сочетаемость действий, объединенных значением однократности. Например, семельфактивно–моментный и семельфактивно–обитеральный способы действия: Лып етп шығып, ескт1/сыртын ан жаба салды (/быстро/ выскользнув, прикрыл /наскоро/ /дверь/) (О.Бөкеев); семельфактивно–моментный и субито–семельфактивный способы действия: Селк етп, қолын кер1 гартып ала қойды (Вздроснул и /быстро/ отдернул руку) (О.Бөкеев).

²⁹ Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. С.28.

По сути дела, сочетаемость одготипных способов действия иллюстрирует общую закономерность сочетаемости слов в тексте, отмеченную в свое время В.Г. Гаком, а именно сочетаемость слов возможна при наличии общих сем, т.е. семантического согласования³⁰.

В казахском тексте употребительна сочетаемость коммодного и субгто-семельфактивного способов действия. В основе этой сочетаемости также лежит общая сема 'одноразовость', присутствующая в семантике как коммодного, так и субгто-семельфактивного способов действия. Например: Шешесі қапелімде сусытып алған тәспығына ұмгыла берем дегенше, барыстай ырғып келді де, одан бұрын қағып алып, саусағына іле қойды (прыжком подскочил, подхватил, надел ей на палец/моментально) (О.Бөкеев).

Сочетаются субгто-семельфактивный и специально-результативный способы действия с оттенком интенсивности, при этом общей смысловой зоной, позволяющей им сочетаться друг с другом, является значение интенсивности: - Міне, айыбым - деп атынан тусе қалып ұзын шылбырын Кеңжетайға қарай серпіп жіберді (соскочил/с коня, кинул поводья) (Ғ.Мұстапов). Однако сочетаются и разногипные действия, при этом аспектуальная ситуация отражает внеязыковую реальность. Так, сочетаются коммодный и континуативный способы действия, при этом между ними наблюдаются отношения простой последовательности. Например: Содан соң екі жолдасының бірін тусіріп, соның ағына мініп алды да жөнеле берді (сел и поехал) (Ғ.Мұстафин). В данном случае последовательность действий подчеркивается союзом "да" (и).

Однако коммодный и континуативный способы действия могут находиться и в более сложных отношениях. Разберем такое предложение: Саумалға сықай гойып алып, гүйенің ырғағымен ес-түссіз ұйықтай бересі (насытившись, продолжают спать) (О.Бөкеев).

³⁰ См.: Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1971, 1972. С.367-395.

На первый взгляд, перед нами два действия, находящиеся в отношении предшествования – следования, первое характеризуется коммодным способом действия, второе – конгинуативным. Однако реальное соотношение иное: второе действие является длительным, прерываясь на определенный период первым действием, оно продолжает длиться далее. Именно на это соотношение указывают формы деепричастия "гойып алып" и вспомогательного глагола "уйықтай берд1".

В следующем примере "Батыр адам белінен қадалған оқы өз қолымен жұлып алып лақтырып жіберд1 де, ег қызуымен шаба берд1" (Ф.Мұсрепов) аспектуальная ситуация представлена тремя действиями, при этом первые два охарактеризованы коммодным (жұлып алып) и специально-результативным способом с оттенком интенсивности (лақтырып жіберд1), общая семантическая зона – однократность и интенсивность, между ними отношение последовательности, одно действие сменяется другим. Третье действие характеризуется конгинуативным способом, т.е. представлено как продолжающееся. Иначе говоря, вначале было третье действие (шабу), далее возникли первое и второе (жұлып алу, лақтырып жіберу.), быстро сменявшие друг друга, быстро завершившиеся, а третье действие продолжало иметь место. На каком-то определенном, очень небольшом временном отрезке третье и первое, третье и второе действия были параллельными, одновременными, что подчеркивается союзом "да" (и). На отношении последовательности между первым и вторым действием указывает деепричастная форма вспомогательного глагола "алып".

Интерруптивный способ действия сочетается чаще всего : общерезультативным: Есеней: "Шыдай тұр, шалым, қыс бойы қымыз ішкізермін деп қала жаздады да, сөздің белін шайға бұрып кетті" (чуть не сказал и перевел разговор /на другую тему) (Ф.Мұсрепов); "Ұлпанның есіне ақ маралы түсіп кетті де жылап жібере жаздады (вспоминался, и /Улпан/ чуть не заплакала) (Ф.Мұсрепов). В данных примерах интерруптивный и общерезультативный способы связаны отношением предшествования – следования, которое в последнем предложении осложнено значением причины – следствия.

Конжекутагивный способ действия сочетается с общере-
зультативным и со специально-результативными разных
подвидов: "Отауға жеткен соң шешесі мен Шынар арбадан
түсе сала отауға кіріп кетті (спустившись /с арбы/,
сразу же вошли /в юрту/) (Ф.Мұсрепов); Есенейдің ит гері
әуелі шыға сала галасып алды (выйдя, сразу же передрались)
(Ф.Мұсрепов),

Взаимодействие единиц разных уровней в тексте. Выше
нами рассматривалась в основном сочетаемость способов
действия при характеристике одного или нескольких дейст-
вий, хотя при этом мы не обходили вниманием и значение
временных форм. Аспектуальная ситуация в тексте может
быть выражена только способами действия, и этого бывает
достаточно: Зарлық тігіркеніп кетті (Зарлық содрогнулся)
(О.Бөкеев). Однако встречаются случаи, когда аспектуаль-
ная ситуация выражается целым комплексом разноуровне-
вых средств, каждое из которых вносит в общую аспекту-
альную семантику какие-то дополнительные оттенки. В ре-
зультате аспектуальная ситуация предстает многогранной,
обогащенной множеством оттенков. Проанализируем не-
сколько таких ситуаций.

(а) Тегінде Қойшы қымызды еге жақсы көруші еді.
Кеңезесі кеуіп келіп бір шарасын тартып жібергенде,
маңдайынан тер бұрқ еге түседі (выпьет /залпом/, пот
/сразу/ выступит) (О.Бөкеев).

Первое действие характеризуется импегивным способом,
второе – семельфактивно-моментным, действия связаны
отношениями обусловленности, т.е. выполнение первого дей-
ствия неизбежно влечет за собой осуществление второго.
Если бы вспомогательный глагол "түс-" был употреблен
в форме недавно прошедшего времени, усилилось бы значе-
ние однократности, являющееся содержанием семельфак-
тивно-моментного способа действия. В нашем примере вспо-
могательный глагол употреблен в форме настоящего пере-
ходящего времени; значение постоянства, выражаемое этой
формой, переводит весь комплекс импегивного и семель-
фактивно-моментного значений в план повторяющегося дей-
ствия, т.е. каждый раз, когда имеет место первое дейст-
вие ("выпьет залпом кумыс"), сразу же возникает второе

действие (пот прошибает). Значение постоянства, привычности отношения обусловленности между двумя действиями поддерживается и предшествующим контекстом, где о любви Койшы к кумысу говорится как о его отличительном признаке: Тегінде Қойшы қымызды өге жақсы көруші еді (букв.: По натуре Койшы был очень любящий кумыс).

(б) Керіскедей ғып жүкті жиып қояды да, үй-іші қатын-баласымен бір-бір тонға оранып жерге жата кетер еді (уберут и ...ложатся/как попало)(О.Бөкеев).

Аспектуальная ситуация представлена двумя действиями. Первое (жиып қояды) по времени предшествует второму (жата кет), характеризуется иррегулярно-репетитивным способом, второе действие – сочетанием субито-семельфактивного способа со значением обычного (типичного) действия, констатируемого в прошлом, которое выражается редкой формой прошедшего времени “-ер еді”³¹. В результате сочетания значений указанных способов действия и значения временной формы выражается значение типичности для плана прошлого отношения предшествование – следование между двумя действиями. Данное отношение выражается также порядком расположения частей предложения и союзом “да” (и).

(в) Остановимся на роли лексических показателей в выражении аспектуальной ситуации. В казахском языке лексические показатели употребляются лишь для подчеркивания основного значения способа действия. Особых дополнительных оттенков, как, скажем, временные формы, они не вносят: Гүләйман жүзі бірте-бірте бұлқа сіңген күндей күңгірт гартып барады (мрачнеет) (Д.Әбілев). Значение континуативного способа действия подчеркивается наречием “бірте-бірте” (постепенно): Жаман мына құдық басында бұған неге қайта-қайта қарай береді (поглядывала) (Ә.Кекілбаев). Значение фреквентативного способа действия поддерживается наречием “қайта-қайта” (снова и снова):

31

См.: Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. С.134.

Қалден жеңіл бу көгеріліп, егеп жайылып ауқымын барған сайын далита түсі (усиживал) (О.Бөкеев), Левитеральный способ действия конкретизируется сочетанием "барған сайын" (все дальше и дальше), указывающим на рост интенсивности действия.

Отметим, что лексические показатели чаще упребреются при способах действия, связанных с количественно-временной характеристикой. Там, где действие характеризуется с позиции результативности или же действию дается аспектуально-модальная характеристика, лексические показатели отсутствуют.

Итак, как показал наш анализ, во взаимодействии разноразрядных средств выражения аспектуальности казахского языка главную роль играет способ действия. В большинстве случаев наличия способа действия достаточно для обрисовки аспектуальной ситуации. Очень часто со способом действия взаимодействует временная форма, при этом значение временной формы или усиливает значение способа действия, или же видоизменяет его (значение однократности переводит в план типичного, повторяющегося). То есть роль временных форм в выражении аспектуальной ситуации значительна. Далее по степени участия в выражении аспектуальной ситуации выделяем контекст и лексические показатели, которые, во-первых, могут участвовать в выражении не всех аспектуальных ситуаций, во-вторых, они факультативны, в-третьих, их роль сводится только к подчеркиванию семантики способа действия.

§ 4. Сопоставительная характеристика аспектуальности русского и казахского языков

Итак, анализ аспектуальности русского и казахского языков выявил следующее.

Функционально-семантическое поле русской аспектуальности сильноцентрировано, с мощным грамматическим ядром и разветвленной периферией. Ядерный компонент выражен видовой формой глагола, периферия поля представлена способами действия и лексическими показателями. Связь между единицами ядра и периферии тесная, ядерные единицы

обуславливают упреждение периферийных компонентов.

Функционально-семантическое поле аспектуальности казахского языка слабоцентрировано, не имеет грамматического ядра. Функцию ядра выполняют способы действия, переходное от ядра к периферии место занимают временные и модальные формы. На периферии находятся лексические и контекстуальные показатели.

Выражение аспектуальности русского и казахского языков имеет свою специфику. Русская аспектуальность выражается в основном синтетически, казахская — аналитически, исключение составляют смягчительный, фаллацивный, консекутативный способы действия казахского языка, выражающиеся как синтетически, так и аналитически.

Своеобразна и система способов действия сопоставляемых языков. Как в русском, так и в казахском языке выделяется группа начинательных способов действия, общерезультативный и специально-результативный, однократный и многократный, сопроводительный. Этим и ограничивается общность способов действия двух языков. Различие проявляется прежде всего в том, что в казахском языке выделяется особая группа аспектуально-модальных способов действия, обусловленная спаянностью категорий аспектуальности и модальности, причем в разных способах доля той или иной категории как в семантике, так и в формальном выражении различна. Так, в фаллацивном, гипотетическом способах действия семантика модальности передается ярче, чем семантика аспектуальности, тогда как сопроводительный и коммодный способы действия выражают в равной мере семантику аспектуальности и модальности. Сопроводительный и консекутативный способы действия выражают помимо аспектуальных и таксисные отношения, причем при сопроводительном способе действия аспектуальные отношения выходят на первый план, таксисные и модальные являются фоновыми. При консекутативном способе действия основными являются аспектуально-таксисные отношения.

Кроме того, для аспектуальности русского языка существенными являются признаки: фазовость действия, интен-

сивность, однократность/многократность, результативность действия, тогда как для казахской аспектуальности помимо названных актуальны указания на регулярность/иррегулярность совершаемого действия, старательность/небрежность выполнения одноактного действия, контролируемость/неконтролируемость сознанием субъекта неожиданно начавшегося действия.

И наконец, аспектуальность казахского языка отличается более тесной спаянностью с временными и модальными отношениями, чем в русском языке.

Глава 3

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОМПАРАТИВНОСТИ

§ 1. О структуре поля компаративности

Функционально-семантическое поле компаративности основывается на функционально-семантической категории сравнения, являющейся в свою очередь отражением логической категории сравнения. О роли сравнения в познании мира и его отражении в языке В.М.Огольцев пишет: "Сравнение является одним из важнейших приемов познания объективной действительности. К тому же в ряду других логических приемов сравнение занимает особое место, так как для каждого из них оно оказывается первичным и неотъемлемым элементом. Ни анализ и синтез, ни абстрагирование и обобщение невозможны без сравнения. Подобно тому, как сравнение пронизывает формы мышления, начиная с элементарных и кончая высшими, оно пронизывает многообразные и многочисленные единицы языка на его различных уровнях — лексическом, словообразовательном, фразеологическом, на уровне словосочетаний и предложений. При этом оно всегда оказывается в основе их семантики, грамматического значения или изобразительной функции"

¹ Огольцев В.М. Устойчивые компаративные структуры в языковой системе // Системность русского языка. Новгород, 1973. С.16.

Такая важная в логическом аспекте и разнообразная по формам языкового выражения категория, естественно, не была обойдена вниманием лингвистов. Изучение сравнения шло по нескольким направлениям. Прежде всего, анализируется грамматическая категория степеней сравнения прилагательных и обращается особое внимание на группу качественных прилагательных, способных к градуальному обозначению признака (И.И.Ревзин, Л.К.Шпак, Е.Д.Арбатская, И.Д.Арбатский, Н.К.Дмитриев, Г.Г.Мусабаев, Д.Г.Исхаков, Н.А.Баскаков, Е.А.Поцелуевский, Г.И.Мамаюва); исследуется выражение сравнения на разных языковых уровнях (Н.А.Широкова, М.И.Черемисина, Т.А.Тулина, В.М.Огольцев, М.М.Копыленко, З.Д.Попова, Ф.Р.Ахметжанова и др.); рассматриваются отдельные средства выражения сравнения в языке (К.И.Ходова, А.Т.Кайдаров). Наконец, языковое сравнение рассматривается комплексно: анализу подвергается семантическая сторона, структурные особенности, специфика выражения сравнения разными языковыми средствами (Ю.И.Васильев, Т.К.Коньров, М.Мукарамов, С.Ш.Поварисов).

Излагаемое ниже понимание структуры поля компаративности в значительной мере подготовлено исследованиями, в которых отмечается неоднородность явлений, выступающих в рамках языкового сравнения. Эта неоднородность особенно ярко выступает при сопоставлении таких контрастных языков, как русский и казахский.

Н.К.Дмитриев говорит об абстрактных и конкретных формах сравнения,² А.М.Шербак высказывается по этому поводу однозначно: «Одличительной чертой прилагательных в грамматическом плане является образование форм, выражающих разные степени насыщенности признака. Эти степени тюркологи нередко называют сравнительными, имея в виду их близость к определенным формам индоевропейских языков, и выделяют в количестве от двух до семи. Мы не считаем возможным говорить о степенях сравнения в тюрк-

² См.: Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка, М.: Л., 1948. С.83-87.

ских языках, так как соответствующие формы выражают не отношения между качествами разных предметов или явлений, а качество само по себе, с точки зрения говорящего, устанавливающего его тождественность норме, недостаточность или превышение норм³.

Определенное влияние на формирование наших представлений о языковом сравнении оказали работы, посвященные степеням качества, качественно-количественным модификаторам⁴.

Как же мы представляем себе структуру поля компаративности?

Языковое сравнение как в русском, так и в казахском языке выступает в двух основных разновидностях. Это прежде всего сравнение в традиционном понимании, когда сравниваются два предмета, обладающие общим количеством или свойством, которое в одном из них проявляется в большей или меньшей степени по сравнению с другим: "Дерево выше дома"; Қонақ қойдан жуас (гость смирнее овцы); или один предмет уподобляется другому в определенном отношении: "Глаза как звезды"; Ел деген мұз сияқты; ақырын ұстасаң, күсіп кетеді, қатты ұстасаң, сынып кетеді (Народ что лед: осторожно держишь — ускользает, крепко — ломается (С. Мұқанов)). Этот вид сравнения назовем собственно компаративом.

Второй разновидностью является сравнение, при котором качество предмета сопоставляется не с качеством конкретного предмета, а с определенной нормой, неким усреднен-

³ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977. С. 113.

⁴ См.: Бигехтина Г.А. Семантико-синтаксические условия употребления качественно-количественных наречий в русском языке // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филологическая. 1982. № 5. С. 44-50; Бочаров А.Ф. Лексические средства усиления в японском языке // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. М., 1986. С. 3-13; Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980.

ным стандартом как точки отсчета степени качества: "беловатый", "моложавый"; "ақшыл", "сарғыш". Данный вид сравнения назовем интенсивом.

Каждая из указанных разновидностей сравнения имеет свою структуру. Собственно компаратив включает следующие компоненты: А – предмет сравнения (то, что подвергается сравнению); В – образ сравнения (то, с чем сравнивают); С – основание сравнения (tertium comparationis); т – показатель сравнения⁵. Например: "Глаза сияли как звезды". "Глаза" – предмет сравнения, "звезды" – образ сравнения, "сияли" – основание сравнения, "как" – показатель сравнения.

Интенсивы включают не четыре компонента, а только три, отсутствует образ сравнения. Например, "большущий дом". "Дом" – предмет сравнения, больш- – основание сравнения, -ущ- – показатель сравнения; образом сравнения является невыраженное представление о нормальной (средней) величине дома.

Каждая из проанализированных разновидностей сравнения в свою очередь делится на две группы. Среди собственно компаративов выделяются выражающие различие между предметами и выражающие тождественность, общность, сходство предметов. Сравним: "Глаза сияли как звезды" – "Глаза ярче звезд", Ол аюдай үлкен (Он большой, как медведь) – Ол аюдан үлкен (Он больше медведя).

Среди интенсивов выделяем интенсивы качества и интенсивы действия. Сравним: "синеватый", "синюший" – "недоесть", "переест", "ақшыл" (беловатый), "аппақ" (очень белый) – "кебейтiңкiреу" (слегка увеличить), "тым кебейту" (очень увеличить). На первый взгляд, включение в поле компаративности глаголов кажется странным, ведь традиционное понятие компаративности связано прежде всего

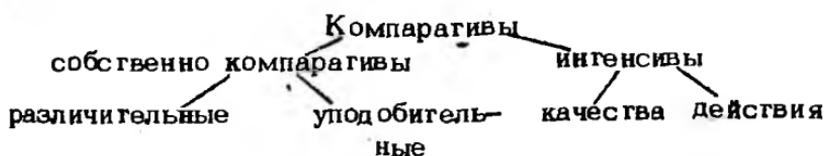
⁵См.: Огольцев В.М. Устойчивые компаративные структуры... С.34; Кошыров Т.К. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке. Алма-Ата, 1985. С.7.

с прилагательными. Но это касается грамматической категории. Функционально-семантическая категория компаративности, основанная на понятийной категории, не ограничена одной частью речи. Для нас существенно прежде всего семантическое отношение сравнения, лежащее в основе функционально-семантической категории. Наличие этого отношения в семантике глаголов и определенных форм его выражения позволяет говорить об особом виде сравнения, когда интенсивность действия сравнивается с некоей мерой интенсивности подобного действия. На уровне грамматики этот вид сравнения проявляется как определенные способы действия.

Таким образом, мы представляем поле компаративности как особую структуру, состоящую из двух микрополей: микрополе собственно компаративов и микрополе интенсивов. Они объединены общим семантическим основанием: признак, действие характеризуются через отношение сравнения. Каждое из микрополей состоит из двух частей.

То обстоятельство, что наши суждения о структуре поля компаративности адекватно иллюстрируются примерами из русского и казахского языков, свидетельствует о том, что она пригодна для описания всех типов сравнения в каждом из сопоставляемых языков.

Схематическую структуру поля компаративности можно изобразить следующим образом:

Само собой разумеется, что детализация и конкретное наполнение указанной структуры и в русском, и в казахском языке своеобразны, что определяет особое лицо каждого из сопоставляемых языков.

8 2. Компаративность русского языка

А. Микрополе собственно компаративов

Различительные компаративы. Сравнение с целью выявления различия между однородными признаками двух и более предметов в русском языке выражается формами сравнительной степени.

"Форма сравнительной степени, или компаратив, — это форма прилагательного, обозначающая, что названный ею качественный признак представлен в большей степени, чем тот же признак, названный формой положительной степени (или, что то же самое, исходной формой прилагательного)"⁶.

Формы сравнительной степени образуются при помощи суффиксов *-ее/-ей// -е-/-ше*. Сами по себе формы сравнительной степени обозначают лишь основание и показатель сравнения, поэтому употребляются в синтаксической конструкции $N_1 A-ee N_2$: "Собаки умнее кошек". Вариантом этой простой синтаксической конструкции является тип $N_1 A-ee$, чем N_2 : "Собаки умнее, чем кошки". Указанные конструкции семантически равноценны. Как указывает Т.А.Тулина, различие между ними в том, что "в качестве падежа сравнения именительный "слабее", чем родительный. Поэтому такое его значение должно быть усилено лексическим средством — сравнительным союзом чем ..." ⁷.

Организующим центром является форма сравнительной степени и в сложных синтаксических конструкциях со сравнительным союзом "чем": "Лететь самолетом быстрее, чем ехать поездом"; "Она была прекраснее, чем он воображал ее" (Л.Толстой). В данных компаративных предложениях объект сравнения, основание сравнения выражены главной частью, а основной показатель и предмет сравнения — придаточной частью. Обе части сложной компаратив-

⁶ Русская грамматика. М., 1980. Т.1. С.562.

⁷ Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке//НДВШ. ФН. 1971. № 1. С.54.

ной конструкции тесно связаны не только семантически, но и структурно. Главная часть этой конструкции может быть самостоятельно употреблена лишь при наличии особого контекста или ситуации, т.е. когда предмет сравнения выражен предыдущим контекстом или очевиден из речевой ситуации. В этом мы усматриваем одно из отличий различительных компаративов от уподобительных, в которых, по мнению М.И.Черемисиной, "приняв допущение о первичности главной части, мы получаем возможность рассматривать ее как относительно самостоятельное предложение, структура которого не детерминирована тем, что может за ним последовать, ведь может и ничего не последовать"⁸. Структурная спаянность обеих частей разделительного компаративного предложения неоднократно отмечалась исследователями. Так, Н.А.Широкова отмечает: "Конструкции рассматриваемого типа отличаются тесной связью частей: строение первой части предполагает обязательное наличие второй"⁹.

Значение различительной компаративности выражается также синтаксической конструкцией, где в роли сказуемого выступает полнозначная лексема, выражающая различие: N_1 отличается (разнится, различается; отличен) от N_2 . Однако ввиду ограниченности числа лексем с различительно-компаративным значением такие конструкции малоупотребительны.

Значение различительной компаративности может быть выражено и конструкциями "сравнительная степень + всех, всего", "сравнительная степень + отрицательный оборот (нет ничего)", "наиболее + прилагательное + из всех, в (на) предл. п.", "-ейш- (-айш) + из всех, в, на (предл.п.)"

⁸ Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. С.29.

⁹ Широкова Н.А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения в современном русском литературном языке. Казань, 1963. С.51.

¹⁰ Шпак Л.К. Развитие превосходной степени и формирование ее семантического поля в русском языке XVIII-XX вв.: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Ленинград, 1977. С.16.

"Ты милее всех на свете"; "Наиболее приемлемый из предлагаемых вариант"; "Нет ничего вкуснее холодного кваса в жаркий летний день."

Уподобительные компаративы. Данный тип выявляет различия в степени признака между двумя или несколькими предметами, как различительные компаративы, а общность, сходство, проводит определенную параллель между предметами, ситуациями, явлениями.

Отличаются уподобительные компаративы своей образностью, яркостью, а также многоплановостью средств выражения, вследствие чего исследованы они более детально, нежели предыдущий тип компаративов. На уровне словообразования значение уподобительного сравнения может быть выражено рядом аффиксов: -чат- ("коробчатый", "скорлупчатый", "репчатый"), по -ему, -ски, -чки, -ьи ("по-волчьи", "по-стариковски"): "Оскалив по-волчьи зубы, Григорий метнул вилы" (М.Шолохов).

Значение "подобный тому, что названо моделирующим словом или первым компонентом" выражается также суффиксом -оид ("эллипсоид", "планетоид", "мегаглоид"), компонентами -образный, -видный, -подобный ("зигзагообразный", "наукоробразный", "змеевидный", "шаровидный", "звероподобный")¹¹.

На лексическом уровне отношение уподобления выражается лексемами и словосочетаниями лексем: "напомнить" (+ вин.п.), "походить" (на + вин.п.), "казаться" (+тв.п.), "представляться" (+тв.п.), "обнаруживать сходство, обладать сходством" (с + тв.п.), "быть похожим" (на + вин.п.), "схожим, сходным" (с + тв.п.), "подобным" (+ даг.п.)¹².

На уровне морфологии значение уподобительного сравнения выражается формой творительного падежа: "борода лопагой", "шляпа котелком"; "Дорога красной веревочкой вьется по зеленому полю" (Т.Гайдар).

И, наконец, наиболее ярко уподобительное сравнение

¹¹См.: Русская грамматика. Т.1. С.205, 321.

¹²См.: Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения... С.52.

выражено на уровне синтаксиса ¹³. Прежде всего отметим, что на уровне синтаксиса, когда показателем сравнения выступает союз, проявляется неоднородность уподобительного сравнения. По словам М.И.Черемисиной, наличие у фразы сравнительного значения и его характер существенно определяются показателем сравнения и с этой точки зрения особый интерес вызывают отношения между двумя типами русских сравнительных союзов — собственно-сравнительным "как" и модально-сравнительными ¹⁴ "словно", "точно", "будто", "как будто", "как будто бы".

Если в сфере простого предложения не ощущается резкого различия между указанными союзами, то в сфере сложных синтаксических конструкций "каждому типу союзов соответствует своя конструктивная модель предложения, предлагающая свои специфические внутренние отношения между простыми частями, вступающими в компаративную связь" ¹⁵. Итак, на уровне синтаксиса уподобительный компаратив проявляется в двух разновидностях: собственно уподобительный (показатель сравнения — союз "как") и модально-уподобительный (показатель сравнения — модальные союзы "словно", "точно", "будто"): "Трубость моя с годами прошла, как проходит скарлатина или корь" (К.Чуковский); "Все отскакивало от него, как резиновый мяч отскакивает от стены" (Н.В.Гоголь); "С реки доносились какие-то звуки, словно тихо охала чья-то могучая, тоскующая грудь" (М.Горький); "Лицо у него красное, точно он вышел из бани".

¹³ См.: Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976, (Объектом исследования являются сложные синтаксические конструкции, выражающие уподобительное сравнение, и в дальнейшем мы будем основываться на результатах данного исследования.)

¹⁴ Там же. С.228.

¹⁵ Там же. С.229.

При собственно уподобительном компаративе с союзом "как" в придаточную часть в качестве темы "семантически отображается предикат главной части или путем лексического дублирования, или глагольным дейксисом, или синонимией предиката" ¹⁶. Это в свою очередь создает своеобразный параллелизм, симметрию непредикативных позиций: "Мы до сих пор сможем на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей" (А.Герцен); "В мое время люди уже не горчали у телевизора, смотря все подряд, как это делали некоторые люди XX века" (В.Шефнер).

У модально-уподобительных компаративов предикат придаточного может быть сколь угодно далек по смыслу от предиката главного ¹⁷. Тема в модально-уподобительных компаративах имеет предметный характер: "Так и заговорила скрипка, точно это и вправду девичье сердце было" (М.Горький).

Второй отличительной особенностью собственно уподобительного компаратива является то, что в уподобительных компаративах с союзом "как" компаративный образ (предмет сравнения) выступает в виде обобщенной ситуации (или предмета): "Все отскакивало от него, как резиновый мяч отскакивает от стены" (М.Гоголь); "В самых лучших, дружеских и простых отношениях лесть и похвала необходимы, как необходима подмазка для колес, чтобы они ехали" (Л.Толстой).

"В модально-уподобительных компаративах компаративный образ "читается" как субъективная, искаженная проекция той реальной ситуации, которая соответствует" ¹⁸ объекту сравнения: "Белый месяц ясел и серебрился, словно неведомая рука счищала с него ржавчину" (Шиков);

¹⁶ Там же. С.229.

¹⁷ Там же. С. 230.

¹⁸ Там же. С. 247.

"Иван Ильич подал Даше шубку так осторожно, точно шубка была тоже частью Дашиного существа" (А.Толстой).

Б. Микрופоле интенсивов

Интенсивы качества. В исследованиях по русской морфологии не раз отмечалась неоднородность группы качественных прилагательных, обращалось внимание на особую группу оценочных (или по другой терминологии – градуальных) прилагательных¹⁹, способных выражать меру (степень) качества. Разные исследователи выделяют разное количество степеней признака, или, как мы условились, степеней интенсивности качества. В принципе, возможно более дробное и менее дробное градуирование интенсивности качества.

Для общей характеристики интенсивов качества достаточно выделения четырех степеней интенсивности: чрезмерной, высокой, усиленной и слабой.

Чрезмерная степень интенсивности качества в русском языке выражается прилагательными с приставками: архи-, сверх-, супер-, ультра-, пре-, раз-, наи-²⁰; "архиглупый", "сверхпрочный", "суперсовременный", "ультраמודный", "премилый", "развеселый", "наилучший"; первыми компонентами словосложений много-, все-: "всесильный", "многоопытный". В русском языке наиболее продуктивным средством выражения значения чрезмерной степени интенсивности являются специальные лексемы "чересчур", "чрезмерно", "крайне", "слишком". Например: "слишком глуп", "чересчур заносчив", "крайне смущен".

Значение чрезмерности может быть выражено рядом лексем, где оно является сопутствующим основному значению 'край', 'мера': "продукты стоили баснословно дорого",

¹⁹ См.: Мартынов В.В. Категории языка. М., 1982. С.104–105; Арбатская Е.Д., Арбатский И.Д. О лексико-семантических классах имен прилагательных русского языка // ВЯ. 1983. № 1. С.52–65.

²⁰ В.В.Виноградов писал, что приставки пре-, раз-, наи- обозначают предельное субъективное усиление меры качества сравнительно с нормой. См.: Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С.206.

"безмерно возликовал", "необычайно трудно", "неимоверные трудности", "сказочно преобразился".

Высокая степень интенсивности качества выражается прилагательными с аффиксами -ейш-(-айш-): "величайший", "милейший", "добрейший"; -ущ-(-ющ-): "большущий"; -енн-: "здоровенный", "широченый". На уровне лексики значение высокой степени интенсивности выражается лексемами "очень", "чрезвычайно", "совершенно", "совсем", "весьма", "наиболее". Данные слова являются "синтаксическими словами, в большой степени зависимыми от контекста. ...Значение их в полной мере реализуется в контексте"²¹. Они могут обозначать высокую степень интенсивности как признака, так и действия. Например: "чрезвычайно тонкий механизм", "весьма полезное начинание", "очень часто", "совсем нелюдимый", "самые изысканные блюда", "чрезвычайно обрадовался", "весьма сожалею", "очень удивился" и т.д.

В ряде случаев функция этих показателей заключается в еще большем усилении значения высокой степени интенсивности, которое уже заключено в семантике определяемого слова. Например: "совершенно ошеломляющее впечатление".

Значение высокой степени интенсивности признака является добавочным, сопутствующим в семантической структуре ряда лексем и словосочетаний: "Горячая поддержка", "тщательная проверка", "напряженная, интенсивная работа", "безукоризненное знание языка", "неизгладимое впечатление", "полная, окончательная победа", "железный порядок". Значение высокой степени интенсивности выражается и фразеосочетаниями с высокой степенью идиоматичности: "работа поставлена/ из рук вон плохо", "/жалко/ до шемящей боли в сердце", "/знать/ до тонкостей", "/льет/ как из ведра", "/военный, артист, аристократ/ до мозга костей".

Усиленная степень интенсивности признака в русском языке выражается прилагательными с суффиксами -аст-, -ист-, -лив-, конструкцией "более + прилагательное":

²¹ Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. С.146.

"понятливый", "жалостливый", "каменистый", "голосистый", "мясистый", "плечистый", "более активный", "более спокойный"

Слабая степень интенсивности признака выражается с помощью суффиксов -оват-, -еват-, -онь-, -еньк: "солонвагый", "слабенький"; конструкцией "менее + прилагательный": "менее ясный", "менее сильный". На уровне лексики значение недостаточности, слабой степени интенсивности признака выражается лексемами "недостаточно", "едва", "чуть-чуть", "немного", "кое-как", "слегка", "почти": "чуть влажная земля", "почти желтая окраска", "не очень удобная обувь", "слабое знание", "недостаточная подготовка", "недостаточно умный советник". Наконец, отметим одну особенность интенсививов русского языка: на уровне сложного предложения выражается уподобление двух предметов, ситуаций по степени интенсивности конструкциями "... такой, как...", "...столько, сколько...": "Моисей Моисеевич... обернулся назад и закричал таким диким голосом, как будто гоним и звал на помощь" (А.Чехов); "Я любил чтение столько же, сколько не любил учиться" (А.Герцен).

Н.А.Широкова отмечает в данных конструкциях выражение "гождества меры признака"²². Иначе говоря, указанные конструкции выражают уподобительно-интенсивные отношения. Своеобразное взаимодействие между собственно компаративами и интенсивами не ограничивается эгим. Так, В.М.Огольцев пишет о сопряжении уподобления с признаком интенсивности в сфере фразеологии²³, М.М.Копыленко, развивая эту мысль, отмечает, что такая сопряженность характерна лишь для момента возникновения сравнительной конструкции. Впоследствии сема уподобления в ряде конструкций угасает, а форма сравнения становится привычной для выражения усиленного проявления действия, качества

²² Широкова Н.А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношение сравнения, в современном русском литературном языке. Казань, 1963. С.27.

²³ См.: Огольцев В.М. Устойчивые компаративные структуры... С.45.

"Ты милее всех на свете"; "Наиболее приемлемый из предлагаемых вариант"; "Нет ничего вкуснее холодного кваса в жаркий летний день."

Уподобительные компаративы. Данный тип выявляет различия в степени признака между двумя или несколькими предметами, как различительные компаративы, а общность, сходство, проводит определенную параллель между предметами, ситуациями, явлениями.

Отличаются уподобительные компаративы своей образностью, яркостью, а также многоплановостью средств выражения, вследствие чего исследованы они более детально, нежели предыдущий тип компаративов. На уровне словообразования значение уподобительного сравнения может быть выражено рядом аффиксов: -чат- ("коробчатый", "скорлупчатый", "репчатый"), по -ему, -ски, -цки, -ьи (по-волчьи, "по-стариковски"): "Оскалив по-волчьи зубы, Григорий метнул вилы" (М.Шолохов).

Значение "подобный тому, что названо моговирующим словом или первым компонентом" выражается также суффиксом -оид ("эллипсоид", "планетоид", "мегаглоид"), компонентами -образный, -видный, -подобный ("зигзагообразный", "наукоробразный", "эмеевидный", "шаровидный", "звероподобный")¹¹.

На лексическом уровне отношение уподобления выражается лексемами и словосочетаниями лексем: "напомнить" (+ вин.п.), "походить" (на + вин.п.), "казаться" (+тв.п.), "представляться" (+тв.п.), "обнаруживать сходство, обладать сходством" (с + тв.п.), "быть похожим" (на + вин.п.), "схожим, сходным" (с + тв.п.), "подобным" (+ дат.п.)¹².

На уровне морфологии значение уподобительного сравнения выражается формой творительного падежа: "борода лопатой", "шляпа котелком"; "Дорога красной веревочкой вьется по зеленому полю" (Т.Гайдар).

И, наконец, наиболее ярко уподобительное сравнение

¹¹См.: Русская грамматика. Т.1. С.205, 321.

¹²См.: Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения... С.52.

выражено на уровне синтаксиса ¹³. Прежде всего отметим, что на уровне синтаксиса, когда показателем сравнения выступает союз, проявляется неоднородность уподобительного сравнения. По словам М.И.Черемисиной, наличие у фразы сравнительного значения и его характер существенно определяются показателем сравнения и с этой точки зрения особый интерес вызывают отношения между двумя типами русских сравнительных союзов – собственно-сравнительным "как" и модально-сравнительными ¹⁴ "словно", "точно", "будто", "как будто", "как будто бы".

Если в сфере простого предложения не ощущается резкого различия между указанными союзами, то в сфере сложных синтаксических конструкций "каждому типу союзов соответствует своя конструктивная модель предложения, предлагающая свои специфические внутренние отношения между простыми частями, вступающими в компаративную связь" ¹⁵. Итак, на уровне синтаксиса уподобительный компаратив проявляется в двух разновидностях: собственно уподобительный (показатель сравнения – союз "как") и модально-уподобительный (показатель сравнения – модальные союзы "словно", "точно", "будто"): "Трубость моя с годами прошла, как проходит скарлатина или корь" (К.Чуковский); "Все отскакивало от него, как резиновый мяч отскакивает от стены" (Н.В.Гоголь); "С реки доносились какие-то звуки, словно тихо охала чья-то могучая, гонимая грудь" (М.Горький); "Лицо у него красное, точно он вышел из бани".

¹³ См.: Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. (Объектом исследования являются сложные синтаксические конструкции, выражающие уподобительное сравнение, и в дальнейшем мы будем основываться на результатах данного исследования.)

¹⁴ Там же. С.228.

¹⁵ Там же. С.229.

и подобного: "проще пареной репы"; "много их гуг, как собак нерезанных" ²⁴.

Интенсивы действия являются компонентами двух функционально-семантических полей: аспектуальности и компаративности. С одной стороны, это особые способы действия, с другой — это сравнение с определенной нормой интенсивности данного действия, которая обычно выражена мотивирующей основой глагола.

Чрезмерная степень интенсивности действия представлена чрезмерно-продолжительным и чрезмерно-нормативными способами и выражается с помощью приставок пере-: "перелечить", "перегнуть", "перекрахмалить" за-: "заиграть пластинку", "зачитать до дыр". На уровне лексики значение чрезмерной интенсивности действия, как и других степеней интенсивности, передается теми же лексемами, что и при интенсивах качества.

Высокая степень интенсивности действия представлена следующими способами: а) тотальным, выражающим крайнюю степень интенсивности действия, проявляющуюся в рассредоточенном воздействии его на весь объект или субъект: "изранить", "израсходовать", "исчертить", "выгоптать"; б) интенсивно-качественным, где высокая степень интенсивности проявляется в квантификации качества результата: "накалить печь", "начислить", "накрасить", "насытить"; в) интенсивно-усилительным, который выражает достижение высокой степени в развитии интенсивности действия: "расголстеть", "раскритиковать", "разобидеть", "расхвалить".

Слабая степень интенсивности действия представлена смягчительным и недостаточно-нормативным способами: "надломить", "надпорог", "подкрасить", "подбодрить", "пришудрить", "наиграг", "недопечь", "недоработать" ²⁵.

²⁴ Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1980.

²⁵ Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Тарту, 1983. С.184-186.

Таким образом, функционально-семантическое поле компаративности русского языка имеет сложную структуру и состоит из двух микрополей – собственно компаративов и интенсивов. Каждое микрополе в свою очередь делится на две составные части. Кроме того, в русском микрополе собственно компаративов внутри уподобительных компаративов выделяются чисто уподобительные и модально-уподобительные компаративы. Каждая из составных частей микрополей имеет особую систему средств выражения. Самой богатой совокупностью средств выражения отличаются уподобительные компаративы, здесь мы находим и довольно большую группу специальных лексем, группу суффиксов и компонентов словосочетаний, особые падежные формы (творительный сравнения). Но наиболее ярким и специализированным средством выражения уподобительных компаративов являются сложные синтаксические конструкции с союзами "как", "словно", "будто", "точно", которые и являются ядерными в этой части микрополя.

Различительные компаративы намного беднее по количеству средств выражения. Ядерным компонентом данной части микрополя собственно компаративов является форма сравнительной степени, достаточно сильное и универсальное средство выражения различия между предметами. Периферия представлена лишь несколькими конструкциями "сравнительная степень + всего / всех", "наиболее + прилагательный", "N₁ отличается (отличен) от N₂" и др.

Микрополе интенсивов характеризуется ^{род}однотипностью средств выражения: это аффиксальные средства (суффиксы и префиксы у интенсивов качества и префиксы у интенсивов действия), являющиеся ядерными компонентами данного микрополя, а также специальные лексические показатели меры интенсивности, относимые к периферии микрополя. На периферии же располагаются сложные синтаксические конструкции со "столько, сколько", "такой, как", обозначающие тождество меры интенсивности двух предметов или ситуаций и находящиеся на стыке двух микрополей – интенсивов и компаративов.

Изложенное можно изобразить схематически:

Для структуры поля компаративности русского языка характерно деление уподобительных компаративов на чистоуподобительные и модально-уподобительные компаративы.

Функционально-семантическое поле компаративности связано с полем модальности (модально-уподобительные компаративы) и с полем аспектуальности (интенсивы действия).

§ 3. Компаративность казахского языка

Категория сравнения казахского языка долгие годы изучалась сквозь призму русского языка. Наиболее ярко это проявлялось в анализе грамматической категории степеней сравнения. Интересно, что, находя аналогичные русским степени сравнения в казахском языке, авторы толковали саму суть категории степеней сравнения иначе, чем в русском языке, или же утверждали возможность как относительного, так и абсолютного употребления форм степеней сравнения. Так, А.Искаков к формам степеней сравнения относит различные степени проявления отличительного признака или качества предмета, т.е. формы, обозначающие наличие в одном предмете качества большей степени, в другом – меньшей; к формам, обозначающим ослабленность, неполноту качества предмета, – аффиксы -рып(-қып), -ғып (-қып), -рыптым (-қыптым), -ғыш, -ғана(-кене), -лдер, -қай, -қан, -ақ(-ек), -шып(-шіл), -шыптым(-шілтім), -ша(-ше)²⁶. В данном случае не делается различия между

²⁶ См.: Искаков А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1974. 192-б.

сравнением качеств конкретных предметов и сравнением качества какого-либо предмета с некой идеальной мерой.

Интуитивно улавливаемое различие между степенями сравнения и степенями интенсивности не всегда получает должное георетическое осмысление. Показательным в этом плане является содержательный труд Т.Конырова. Автор справедливо указывает на неравномерность компаративных конструкций типа "таудай галап" (стремление с гору), "брақ гүмсық" (серповидный нос) и форм "қызылырақ", "қызылдау", "қызылғи" (красноватый) и в то же время различает их только таким образом, что первые относит к лексико-морфологическим, а вторые — к морфологическим способам выражения сравнения²⁷.

На наш взгляд, подобные факты объясняются не только традицией, привычностью данной точки зрения, обусловленной в свое время стремлением во что бы то ни стало найти в казахском языке грамматические категории, адекватные грамматическим категориям русского языка, сколько односторонне осуществляемым подходом "от формы к содержанию", неукоснительно соблюдаемым приоритетом формы.

Исследователи пытались обнаружить в казахском языке все разновидности степеней сравнения, выявленные в свое время на материале русского языка, но истолковывали эти разновидности иначе или же утверждали возможность относительного и абсолютного употребления степеней сравнения.

Мы же стремимся уточнить и модифицировать существующее представление о категории сравнения казахского языка посредством ономазиологического анализа "от значения к форме".

А. Микрופоле собственно компаративов

1. Различительные компаративы

Различие между сравниваемыми предметами по степени проявления признака выражается в казахском языке двумя

²⁷См.: Коныров Т.К. Структурно-семантическая природа... С.28-50.

способами: формами так называемых степеней сравнения прилагательных и синтаксическими конструкциями.

Как уже отмечалось, разные исследователи выделяют различное количество степеней сравнения имен прилагательных. Так, Г.Г.Мусабаев²⁸ выделяет пять степеней сравнения: сравнительную, образуемую с помощью аффиксов -рақ/-рек, -нан/-нең; ослабленную (преуменьшительную), образуемую с помощью аффикса -лау/-леу; незначительную (приблизительную), образуемую с помощью аффиксов -қып/-ғып, -шыл/шіл, -лдір и др.; преувеличительную, образуемую с помощью интенсивной формы (қап-қара); превосходную, образуемую с помощью усилительных слов. А.И.Искаков²⁹ выделяет четыре степени сравнения: простую (жай шырай), сравнительную (салысгырмалы шырай) с аффиксами -рақ, -рек, -ырақ, -ірек; -лау, -леу, -дау, -деу, -ғау, -геу; -қып, -рып, -қыпғ, -ғым, -шыл, -шіл, -қай, -ан; усилительную (кушейтпелі шырай), образуемую редупликацией, и превосходную (асырмалы шырай), образуемую сочетанием прилагательного в положительной степени и слов-модификаторов (аса, ете, ғым, ғілігі, нағыз, ең, орасан, керемет).

Если исходить из нашего понимания поля компаративности, то все эти разряды, исключая сравнительную и превосходную степени, относятся не к собственно компаративам, а к интенсивам.

Рассмотрим теперь аффиксы, с помощью которых образуется сравнительная степень прилагательных. В этом плане нам более близка позиция Г.Г.Мусабаева, т.е. из всех аффиксов наиболее специализированным для выражения значения собственно компаратива является аффикс -рақ. Он встречается почти во всех тюркских языках и обладает большой продуктивностью, что позволило А.М.Щербаку охарактеризовать его как "самый распространенный в тюркских языках классификационный морфологический показатель прилагательных"³⁰. Тем не менее этот показатель, как ука-

²⁸См.: Мусабаев Ф.Ф. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. Алматы, 1951.

²⁹См.: Искаков А. Қазіргі қазақ тілі. 274-279-б.

³⁰Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии. С.114

зывает Е.А.Поцелуевский, сохранил остатки своего первоначального значения – "незначительного отличия сравниваемых предметов в отношении данного качества"³¹. Поэтому нельзя провести полную параллель между казахским аффиксом –рақ и русским –е(е-).

В ряде работ по казахскому языку аффиксы –ырақ и –лау характеризуются как синонимичные³². Однако между ними есть различие. А.И.Искаков усматривает его в том, что аффикс –лау с его фонетическими вариантами привносит оттенок ослабленности, неполноты качества, тогда как аффикс –рақ – оттенок полноты, усиления, чрезмерности качества³³.

Проведенный нами анализ текстов показывает, что аффикс –лау преимущественно выражает степень интенсивности качества (ослабленную степень), а аффикс –ырақ – сравнительную степень, хотя они могут взаимозаменять друг друга. В частности, это прослеживается в словарных толкованиях – когда форма на –ырақ дефинируется посредством формы на –лау и наоборот: "асаулау – асауырақ, онша уйретілмеген"; "асауырақ – асаулау"; "естілеу – естірек".

В реальных текстах различие между семантикой форм –ырақ и –лау становится эксплицитным: форма с –ырақ употребляется в сочетании с исходным падежом существительного, обозначающим предмет, в сравнении с которым объект обладает большей или меньшей степенью качества. Например: Нарманбетов өзін басқа колхоз басшыларынан белсендірек көрсетпек пе (то ли потому, что хотел показать себя активнее других руководителей колхоза), клубқа бәрінен бұрын кіріп, екі орынбасарын екі жағына ала, екі орын-

³¹ Поцелуевский ЕА. Сравнительная степень и аффикс –рақ // Тюркологические исследования. М., 1976. С.184.

³² См.: Турсунов Д., Хасанов Б., Исламов А. и др. Составительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1967. С.116, 119.

³³ См.: Искаков А. Қазіргі қазақ тілі. 194-б.

дыққа отырды (Ж.Тілеков); Асықты ақылсыз бала ойнайды, сен одан жақсырақ ойын тап (ты найди игру получше эгой) - деп, Тайман жұбатып шышка сагып әперді (З.Қабдолов).

Формы с -лау употребляются или одиночно, независимо, или же в сочетании со сравнительным оборотом "сияқты", -дай, выражающим предмет, которому уподобляется объект неполной, слабым проявлением качества. Например: Ат басын ұстаған есгярлау (довольно взрослый) жігіт маған қарап бас иезгендей болды (С.Бегалин); Біз Алмағыға бетгеген шаққа қара көк түспен мұнартқан билк таудың ар жағынан әуелі таң сияқты бозамықтау (сероватые, как рассвет) сәуле көрінді (С.Мұқанов); Керегенде ілулі тұрған ескілеу домбыраны (староватую домбру) Досай алып шергіп көрді (К.Сағыбалдин).

Однако это различие соблюдается не всегда. Сравним: Сәмет басқа балалардан ересектеу (старше других детей), өккілеу болатын (Ф.Мұстафин); Дән үсгіндегі жеке, шағын да болса таза, еңселірек (чуть повыше) үйге шам жағылған іңір кезі (Ә.Кекілбаев);

Тірі жүрсек, біз көреміз талайды,
Жаңа жылды, жаңа күнді, жаңа ойды.

Ұзағырақ өмір болса, жарайды (хорошо, если будет жизнь подлиннее).

Түн де келер, таң да атар арайлы (М.Мақтағөв).

Следовательно, на данном этапе можно констатировать лишь определенную тенденцию к разграничению семантики форм с -ырақ и -лау.

Как отмечалось вначале, отношение сравнения включает четыре компонента. Наиболее полно и эксплицитно все четыре компонента выражаются синтаксическими конструкциями $N_{им} N_{исх} A$ (Асан Үсеннен үлкенірек), $N_{им} N_{гөрі} A$ (Сенен гөрі ол жақсы), $N_{им} N_{салыстырғанда} A$ (Алағау Гималаймен салыстырғанда билк емес), $N_{им} N_{дағ} A$ (Алағау Гималайға карағанда билк емес). Во всех этих конструкциях отдельное выражение получают объект сравнения,

*Примеры взяты из груда Т.Қ.Коньрова "Структурно-семантическая природа..."

и основание сравнения, и образ сравнения, и показатель сравнения, тогда как формой сравнительной степени выражается лишь основание и показатель сравнения. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением М.И.Черемисиной, что сравнение – "категория синтаксическая, и его исследование лежит в рамках синтаксиса" ³⁴.

В указанных конструкциях $N_{исх} (N_{исх} \text{ гөр}1)$ обозначает образ сравнения, т.е. предмет, с которым сравнивают объект. При этом $N_{исх} (N_{исх} \text{ гөр}1)$ может быть не выражен определенной словоформой, а подсказываться контекстом, т.е. включаются контекстуальные средства. Например:

Жалшылардың ұйымы

Талмай іске кірісті.

Кешегі сылбыр жігіттер

Екпіндірек (побыстрее) жүрісті (С.Сейфуллин).

В данном случае предмет сравнения "кешегі сылбыр жігіттер" (медлительные вчера парни) совмещает значение образа сравнения.

Общая ситуация и контекст выражают значение образа сравнения и в следующих примерах: – Келер жолы ақылыдырақ боларсың, – деп мырс етті ол (В следующий раз будешь поумнее, – улыбнулся он) (Т.Ахтанов); Автомобиль зымырап келген бойымен қара жолдан бұрылып, жайырақ жүріп, жұмыс істеп жағқандардың қасына тоқтады (Мчавшийся автомобиль, свернув с шоссе, поехал медленнее и остановился возле работавших) (С.Сейфуллин).

Превосходная степень сравнения обозначает, что признак в одном предмете проявился в наибольшей степени по сравнению с другими предметами. Следовательно, прежде всего здесь осуществляется сравнение с классом, множественностью однородных предметов, тогда как при сравнительной степени один предмет сравнивается с другим.

³⁴ Черемисина М.И. Сравнительные конструкции... С.5.

Во-вторых, при сравнительной степени различие между сравниваемыми предметами может быть незначительным, а превосходная степень употребляется тогда, когда различие доходит до контраста.

В казахском языке значение превосходной степени выражается либо с помощью слов "ең", "нағыз" "өге", либо особыми конструкциями N $N_{\text{род}}$, бәрінен А, $N_{\text{им}}$ $N_{\text{исх}}$ әлде қайда А. Например: Әркім өз өміріндегі ең ұлы, ең биік іске дайындалады, (самое главное, самое высшее) (Т.Ахтанов); Ол жота бәрінен еңселі (Тот хребет выше других); Заманында ханның ханы саналған Шыңғыс хан... (Чингис-хан, считавшийся в свое время ханом среди ханов...)(І.Есенберлин).

2. Уподобительные компаративы

Значение сравнения, при котором подчеркивается не различие, а сходство, уподобление сравниваемых предметов в каком-то отношении, в казахском языке выражается несколькими способами.

Прежде всего следует отметить аффиксальный способ выражения сравнительно-уподобительного значения. Наиболее продуктивным является аффикс -дай/-дей, отличающийся от других большими семантическими возможностями, широкой сферой употребления, неограниченной продуктивностью³⁵. Например: Аппақ жамылғы киген қайындар шала ұйыған айрандай кілкіді (Березы подрагивают, словно слабо заквашенный айран) (О.Бөкеев); Дәл кун батар жерінде сіңірдей созылған бұлт пайда болыпты (облако, растянутое словно жила) (О.Бөкеев); Жаздың барқыттай жұмсақ кеші (Мягкий, как бархат, вечер) (С.Сейфуллин).

³⁵ См.: Мұсабаев Ф.Ф. Қосымша -дай/-дей, гай/-гей гуралы//Изв. АН КазССР. Сер. филологии и искусствоведения. Алма-Ата, 1955. Вып. 3-4. С.47-58; Кенесбаев С.К. О природе казахских лексикализованных единиц с формой -дай/-дей//Тезисы VI региональной конференции по лексикологии тюркских языков: Маловские чтения. Алма-Ата, 1973. С.154-155; Тұрғанбаева Б. -дай, -дей қосымшасының тарихынан//Қазақ филологиясы. Екіші кітап. Алматы, 1975. 104-109-б.

Продуктивным является также аффикс -ша/-ше. Как указывает Т.К.Коньров, его специфика в том, что формы с -ша/-ше служат для "сопоставления действий, присущих животным, с действиями человека... и, отождествляя их, создают особый вид компаративного образа. В качестве образа сравнений с аффиксом -ша/-ше используются в большинстве случаев одушевленные предметы"³⁶: Онын үстіне шолақ байталша шолгандап Райхан деген пәле тағы келіпті (вер'ясь, как куцехвостая кобылка) (С.Жүнісов); Жә, табылар бір шуйке бас. Азбанша азынамай, бар ана жылқыға (не вопи, как оскопленная скотина) (З.Шакенов).

Кроме этих двух продуктивных аффиксов значение уподобительного сравнения выражается и другими аффиксами: -лас с вариантами, -дан + ып, -шылап, однако сфера их употребления ограничена определенными понятиями и предметами. Так, аффикс -шылап/-шілеп может присоединяться лишь к очень узкому кругу основ: "игшілеп журу".

Уподобительное сравнение выражается также и лексико-синтаксическим способом, когда в роли показателя отношения уподобления выступают послелого "сияқты", "секілді", "тәрізді". Например: "Бала сияқты, гүл ойламайды" (Как ребенок, ни о чем не думает).

И так же, как в предыдущей группе, значение уподобительного сравнения наиболее полно, объемно и широко выражается синтаксическими конструкциями - простыми и сложными предложениями. При синтаксическом способе выражения любой из компонентов сравнения может быть сложным, и в зависимости от этого меняется акцент высказывания. Данный способ выражения уподобительного сравнения часто употребляется в языке художественных произведений, так как при этом расширяется и углубляется образность сравнения. Например: Неғып көкке қарап қалшып тұрсың,

³⁶ Коньров Т.К. Структурно-семантическая природа... С.52.

ұлыған игтей (Что ты уставился на небо, словно воюющая собака) (О.Бөкеев).

Различие между чистоуподобительным и модально-уподобительным сравнением в казахском языке не столь четко прослеживается, как в русском языке. В казахском языке модально-уподобительная компаративность выражена теми же средствами, что и чистоуподобительная (–дай, сияқтан–), различие в том, что при модально-уподобительной компаративности данные языковые средства уподобляются при субстантивированных глагольных формах: Жігіг қақалып қалғандай сөйлей алмай қалды (Джигит замолчал, будто поперхнулся) (Ф.Мұсрепов); Тағы да аспан жарқ етгі де, құс жолы шаңытып кеткен сықылданды (Снова небо осветилось, показалось, Млечный Путь напылил) (О.Бөкеев).

Модально-уподобительная компаративность в казахском языке очень популярна, причем зачастую весь текст может представлять собой экспликацию модально-уподобительной компаративности: Биыл күз жақсы, малра жайлы болды ғой дегенді айтып келе жатқандай бейжай (Спокоен, будто говорит о том, что в этом году осень выдалась хорошая, благоприятная для скота) (Ф.Мұсрепов); Қайрап қойған найза ұшы аузынан кіріп, желкесінен шыққалы тұрғандай екен (Конец нагоченной пики словно готовится вылезти в рот и выйти из затылка) (Ф.Мұсрепов).

В тексте, когда уподобительное сравнение только вводится, эксплицируются все элементы отношения сравнения. Если же данное уподобительное сравнение повторяется, то одни элементы могут быть опущены, а другие – развернуты глубже. Проиллюстрируем это следующим примером из повести О.Бөкеева "Аруана":

– Өмір деген мынау тұман секілді емес пе. Алдың ашылып, артың қымталып отырады (Жизнь ведь как этот туман. Впереди рассеивается, позади закрывает все).

– Рас айтасың, өмір деген тұман, тек шыр айналыңды шырмай от орнындай жерді гана болжай аласың. Алдыңда не күліп тұр білмейсің, өткенінде не пайда, есте қалмайды (Правду говоришь, жизнь – туман, только небольшое место вокруг себя можешь различить. Что ждет впереди –

не знаешь, какова польза от прошлого — не помнишь).

В данной ситуации первый собеседник, вводя уподобительное сравнение, эксплицирует все элементы сравнения: предмет сравнения "өмір" (жизнь), образ сравнения "гүман" (гуман), показатель отношения уподобительного сравнения "секілді" (как), основание сравнения "алдың ашылып, артың қымталып отыр" (впереди рассеивается, позади сгущается). Когда же уподобительное сравнение повторно используется в тексте, но уже другим собеседником, то исчезает показатель сравнительно-уподобительного отношения, а основание сравнения развивается далее: "алдыңда не күгіп гүр, білмейсің, өткенінде не пайда, есте қалмайды" (что ждет впереди — не знаешь, какова польза от прошлого — не помнишь).

Б. Микрополе интенсивов

1. Интенсивы качества

Сравнение качества предмета с некой мерой, стандартом всегда предполагает определение степени соотнесенности с этой мерой как нормой. Вполне естественно, что и в языке выражается не вообще интенсивность качества, а определенная степень интенсивности. При этом градация интенсивности в разных языках может не совпадать. В казахском языке языковыми средствами могут быть выражены три степени интенсивности качества: ослабленная, обозначающая неполноту ослабленности проявления качества по сравнению с нормативным проявлением; предельная, обозначающая качество в самой высшей степени проявления; чрезмерная, обозначающая проявление качества сверх меры, что приводит либо к переходу его в иное качество, либо к нежелательным последствиям.

Ослабленная степень интенсивности качества выражается рядом аффиксов: -шыл-шіл, -ғым, -ғылт, -лғым, -ан, -лілдір, -қай. Они синонимичны, различаются незначительными оттенками. Например: "бозғылт", "бозғыл" (сероватый), "ашқылтым" (слегка, чуть, кислый, кисловатый), "жатыңқы" (припущенный), "ағарыңқы" (беловатый). Специальных лексем со значением ослабленной степени интенсивности качества мало: "сәл", "азғана", "аздау", "кішкентай". В реальном тексте они упо-

гребляются обычно при прилагательных с вышперечисленными аффиксами, г.е. акцентируют уже выраженную ослабленную степень интензивности: "сэл агарынқы" (чуть беловагый).

Предельная степень интензивности качества выражается формой интензива, когорая является специфической для тюркских языков и обладает значительной продуктивностью:

Тап-газа аспан гүп-гүнық,
Жап-жасыл шөпке шық гүрып.
Сап-салқын ауа жұттырып,
Айнала тегіс гып тынық
(Чистое-пречистое небо очень прозрачно,
Выйди на зеленую-презеленую траву.
Вдохни очень прохладный воздух.
Вокруг гишайшая гишина) (М.Мақагаев).

Чрезмерная степень интензивности качества выражается только словами-модификаторами "гілгіл / гілген", "аса", "орасан", "әбден", "керемег", "қырмызы", "ал", "шым", "мақпал", "нағыз"³⁷. Однако не все они в равной мере обладают широкой сочетаемостью. Так, например, "қырмызы" употребляется только с прилагательным "қызыл" (красный): Қырмызы қызыл жібек боз балалар... (Ярко-красный) (Абай). Слово-модификатор "шымқай" употребляется при прилагательных "ақ", "қызыл", "көк", "сары", "қаракөк": Төнкерілген аспанның көктегі шымқай көк барқыттай құлпырып тұра қаратпайды (С.Мұқанов).

Наиболее широкой сочетаемостью обладают лексемы "аса", "тым": Усіндегі кімдері көзге тым қораш (С.Мұратбеков); Немісгің күші тым қалын болды... (слишком велики) (Т.Ахтанов); Енді қыздың бейнесі жоралып, көз алдын қалын мұнар басты, тым қою мұнар (слишком густая); Даусы аса зарлы (Чересчур заунывный голос).

Употребление в высказывании указанных форм степеней интензивности качества отличается некоторыми особенно-

37 Хамитов А. Туркий тиллари суз маъносининг аналитик йул билан кучайтиримиши. Тошкент, 1984. С.70-84.

стями. Предельная и чрезмерная степени интенсивности, имея яркие показатели, не нуждаются в дополнительных контекстуальных средствах. А значение ослабленной степени, которое не вполне определено и выражается неоднозначно целым рядом аффиксов, в тексте часто сопровождается модификатором "сәл", конкретизирующим это значение. Например: Бұдан дәрежесі де, атағы да сәл төмендеу ағасы... (чуть пониже) (1.Есенберлин); Бүгін Айша... сәл қызулау көгеріңкі көңілде болды (несколько оживленнее, возбужденнее) (Т.Ахтанов); Кіршіксіз ақ жаға, әшекейсіз жұқа қара бешпет, сәл егшендей қызыл шырайлы ақ жуәлі айқындап аша гускен (чуть полнозвонее) (Т.Ахтанов). Предельная степень интенсивности качества может дополняться уподобительным сравнением. Например: Сұлғанның бойынан көзге гускені аюдың табанындай үп-үлкен қолдары (очень большие, словно лапы медведя) (С.Мұратбеков); Рычагтар мұның қолында -губі шіріген ағаш сияқты ілгері-кейінді іліті жеп-жеңіл қозғалады (Рычаги в его руках передвигаются очень легко, словно это дерево с гнилыми корнями).

2. Интенсивы действия

Интенсивность действия в казахском языке выражается в основном аффиксально и аналитически с помощью определенных конструкций и представлена двумя основными степенями - ослабленной и усиленной ³⁸.

Ослабленная степень интенсивности представлена левигеральным, ретардированным и смягчительным способами: "қулімсіреу" (слегка улыбаться), "жыламырау" (хныкать); "жылжықырау" (подвинуться ближе), "басыңқырау" (слегка придавить); "біле жағар" (узнает со временем), "көре жағар" (осмогрится со временем).

Усиленная степень интенсивности выражается конструкцией "деепричастие на -п + таста" и составляет содержа-

38

См.: Ахметжанова З.К. Опыт сопоставительно-типологического исследования лексики русского и тюркских языков: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982. С.151.

ние специально-результативного способа действия: "урсып таста" (обругать), "соғып таста" (избить), "бітіріп таста" (закончить).

Чрезмерная степень интенсивности действия в казахском языке выражается только лексически, при помощи специальных слов "тым", "аса", "асыра": "асыра мақтау" (перехвалить). Например: Тау ішінде ай сондай аса көріктеніп шырады екен (особенно красивая) (С.Мұқанов).

Итак, функционально-семантическое поле компаративности казахского языка представлено двумя микрополями. Микрополе собственно компаративов включает подполе различительных и уподобительных компаративов. Ядерным компонентом в подполе различительных компаративов выступают аффиксы -рақ и -лау, лексемы "ең", "нағыз", "өте". На периферии располагаются синтаксические конструкции $N_{им} N_{исх} A_{рақ}$, $N_{им} N_{исх} гөрі A$, $N_{им} N_{исх}$ салыстырғанда A , $N_{им} N_{исх}$ қарағанда A , $N_{род} N_{ы}$ N бәрлен A .

Подполе уподобительных компаративов в качестве ядерного компонента имеет аффикс -дай и слово "сияқты". На периферии располагаются аффиксы -ша, -лас, -данып, -шылап, лексемы "секілді", "тәрізді", а также синтаксические конструкции, включающие сравнительные обороты или придаточные части с данными союзами. На периферии стоят и сложные предложения с местоименно-сопоставительными словами "қандай-сондай", "қалай-солай", "қанша-сонша": $Kісі қалай жүрсе, көлеңке солай жүреді$ (Как ходит человек, так ходит и тень).

Микрополе интенсивов, включающее подполя качества и действия, выглядит довольно однообразно. Прежде всего и в интенсивах качества, и в интенсивах действия четко выделяются только две степени - ослабленная и предельная у интенсивов качества, и ослабленная и усиленная у интенсивов действия. Чрезмерная степень качества и действия может быть выражена только специальными лексемами. Отметим, что наибольшее формальное выражение получила ослабленная степень интенсивности качества и ослабленная

степень интенсивности действия. В структуре поля компаративности казахского языка нет никаких изменений по сравнению с общей структурой. Поле компаративности казахского языка связано с полем аспектуальности.

§ 4. Сопоставительная характеристика компаративности русского и казахского языков

Анализ функционально-семантического поля компаративности русского и казахского языков позволяет сделать следующие выводы.

Общая структура поля компаративности является универсальной для сопоставляемых языков. Однако в русском языке оно отличается наличием более дробных делений внутри общей структуры. Так, внутри уподобительных компаративов выделяются чистоуподобительные и модальноуподобительные компаративы. Подобное деление в казахском языке только намечено (в связи с союзом "сияқты", -дай при отглагольных формах).

Подполе различительных компаративов русского языка имеет более компактную структуру. Форма сравнительной степени представляет собой достаточное сильное специализированное средство выражения значения различительного сравнения, поэтому необходимость в дополнительных средствах отпадает. Сильное ядро подполя обуславливает слабую представленность периферийных компонентов. В казахском подполе различительных компаративов контрастность между ядром и периферией не столь велика, довольно многочисленные (по сравнению с аналогичными элементами русского языка) периферийные компоненты как бы компенсируют меньшую яркость ядерного компонента.

Подполе уподобительных компаративов как в русском, так и в казахском языке является самым богатым по количеству и разнообразию средств выражения.

Микрополе интенсивов русского языка характеризуется тем, что здесь представлена более дробная, чем в казахском языке, градация интенсивности как качества, так и действия. Так, в русском языке интенсивы качества выделяют чрезмерную, высокую, усиленную и слабую степени,

в казахском языке – лишь предельную и ослабленную степени. Чрезмерная степень качества может быть выражена только специальными словами – модификаторами.

Поле компаративности русского языка взаимодействует с полем аспектуальности и с полем модальности. Поле компаративности казахского языка взаимодействует с полем аспектуальности.

Сопоставительное изучение русского и казахского языков, основанное до недавнего времени на сопоставлении отдельных фактов, явлений, отдельных категорий и характеризовавшееся атомарностью подхода к исследованию разнотипных языков, в настоящий момент переживает переломный этап. Становится совершенно ясным, что простое сравнение лежащих на поверхности фактов, сводившееся к констатации несовпадения языков, исчерпало себя.

Не удовлетворяет сам подход от формы к значению, когда исходным является форма. Исследование только отдельных фактов мешает восприятию более глубоких различий между языками, не создает целостной языковой картины. И до настоящего времени сопоставительное языкознание страдает своеобразной статичностью – изучается только система языка в застывшем виде, а язык в его действии, в живом употреблении, в его функционировании находится вне поля зрения исследователей.

Применение функционального подхода, основных понятий теории функциональной грамматики к сопоставительному анализу типологически контрастных языков, знаменуя начало нового этапа в развитии сопоставительного языкознания, не только позволяет избежать упомянутые недостатки, но и открывает возможность сопоставительно-типологического исследования нескольких языков в функциональном аспекте, или, говоря иначе, категориальных ситуаций (А.В.Бондарко).

В данной работе мы попытались применить основные положения теории функциональной грамматики для анализа possessивности, аспектуальности и компаративности русского

и казахского языков. Мы отдаем себе отчет в том, насколько огромны задачи, которые нам предстояло решить, насколько велик объем проблем, в которых нужно разобраться. Не все нам удалось решить в силу ряда причин, прежде всего из-за неразработанности проблем функционирования языковых единиц в казаховедении. Этим объясняется и большее внимание анализу ФСП казахского языка, его структуры, функционирования. Однако и то, что нам удалось осуществить, свидетельствует о высокой эффективности функционального подхода в сопоставительном исследовании.

Так, наше исследование позволяет говорить о текстоорганизующей роли посессивности казахского языка и об отсутствии таковой функции у посессивности русского языка. Анализ ФСП посессивности обоих языков иллюстрирует действие принципа компенсации.

Изучение ФСП аспектуальности выявило различия в характере признаков, лежащих в основании аспектуальности русского и казахского языков, различия в характере ядерных компонентов их полей.

Была обнаружена неадекватность грамматических категорий степеней сравнения русского и казахского языков. В ходе исследования анализу подвергались в междатегориальные связи, когда обнаруживалось наложение полей, скажем, тесная связь аспектуальности казахского языка с полем темпоральности и полем модальности, связь поля компаративности и поля аспектуальности как в русском, так и в казахском языке.

Данную работу мы рассматриваем как первый шаг в построении сопоставительной функциональной грамматики. В дальнейшем предстоит, во-первых, расширить объект исследования, включив дополнительно ряд таких категорий, как темпоральность, таксис, локальность, модальность и др.; во-вторых, дать полный анализ категориальных ситуаций по каждой функционально-семантической категории русского и казахского языков, провести их сопоставление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ	15
Глава 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ	42
Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОМПАРАТИВНОСТИ	77

Зауреш Канашовна Ахметжанова

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ
РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ**
(опыт сопоставительного исследования)

Утверждено к печати Ученым советом
Института языкознания
Академии наук Казахской ССР

Зав.редакцией Н.Л.Селиванова
Редактор Л.В.Бондаренко
Оформление художника И.З.Уразаева
Мл.редактор С.И.Осколкова

ИБ № 2889. Монография

Подписано в печать 13.07.88. УГ 12094.

Формат 60x84¹/16. Бум.тип. № 1.

Печать офсетная. Усл.п.л. 6,28.

Усл.кр.-отт. 6,51. Уч.-изд.л. 5,75.

Тираж 1000. Заказ 222. Цена 1 р. 10 к.

Издательство "Наука" Казахской ССР

480100, Алма-Ата, ул.Пушкина, 111/113

Типография издательства "Наука" Казахской ССР

480021, Алма-Ата, ул.Шевченко, 28

